

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 3 (6422) 2019

ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарам в 985 году («Повесть временных лет»)

Художник Рашид Гилязов. «Весна в Крыму»

Чьей руки
просил Поэт...

с. 8-9, 12-13

Основоположники

с. 5

Центр образования с. 3

Горькая судьба
просветителя

с. 11

Сжигая дотла
душу...

с. 4

Заки Нури

О приметы весны!
Вы — приметы любви!
Если ночь напролет — не до сна,
Если жарко сверкают веснушки твои —
Значит вновь наступила весна.

Если светится счастье в любимых глазах,
Что, как небо весной, горячи, —

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Значит теплые ветры гуляют в лесах,
Значит в поле запели ручьи.

Если меньше морщинок у ласковых губ,
Если больше не хмуришь бровей —
Значит радостный крик,
Значит яростный гул
Прилетевших домой журавлей.

Если стала улыбка светла и ясна,
Если нежность бушует в крови —
Это значит весна,
Это значит весна!

О приметы весны!
Вы — приметы любви!

Перевел **Вадим Кузнецов**

МОСКВА

В Международном Доме музыки прошел концерт «Рожденные в Башкортостане». В нем приняли участие известные на весь мир деятели культуры, родившиеся или начинавшие свой творческий путь в республике - народный артист СССР, президент Московского Международного Дома музыки Владимир Спиваков, выдающиеся оперные певцы, братья Ильдар и Аскар Абдразаковы, лучший кураист-виртуоз республики Роберт Юлдашев, солистка Башкирского театра оперы и балета Диляра Идрисова, молодые музыканты. Юбилейный концерт был приурочен 100-летию образования республики.

20 марта 2019 года было заключено Соглашение Российского рабоче-крестьянского правительства с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкортостана. За прошедший век республика прошла огромный путь и реализует сегодня новые масштабные проекты. К 100-летию образования, отмечаемому в 2019 году, в Башкортостане проходят самые разные акции и события: восстанавливаются страницы истории и имена героев в рамках акции «100 имен Башкортостана», согласно масштабной программе «К 100-летию Башкортостана - 100 новых объектов» идет широкое строительство школ, больниц, дорог, домов культуры, спортивных клубов. В Москве в честь векового юбилея Башкортостана тоже пройдет много ярких презентаций.

В течение года пройдут презентации Башкортостана в Совете Федерации, Госдуме РФ, большая концертная программа в Зарядье, уникальная художественная выставка из собрания Башкирского художественного музея имени М.В.Нестерова. Столетие республики будет широко отмечаться на традиционном московском сабантуе. Республика приглашает земляков, москвичей и гостей столицы на эти мероприятия.

Гульчачак Ханнанова

В литературно-музыкальной гостиной клуба ФСБ России состоялся творческий вечер члена Союза писателей России, автора тринадцати поэтических сборников, поэта Хайдара Бедретдинова. В течение двух часов звучали его проникновенные стихи о дружбе и любви,

стихи из афганского цикла. Председатель правления Московской городской организации Союза писателей России Владимир Бояринов наградил Бедретдинова дипломом и медалью «Литературный олимп». Советник по культуре ветеранской организации Службы внешней разведки России Александр Фадеев вручил Бедретдинову юбилейную медаль, а певец и композитор Владислав Чурсин спел песню на его стихи. Прозвучали песни и в исполнении самого автора. На вечере присутствовали гости из полномочного представительства Татарстана в Москве, главный редактор федеральной газеты «Татарский мир», председатель всероссийского фонда ветеранов воинов-интернационалистов «Вымпел-гарант», члены военно-исторического общества и литературного объединения «Дзержинец» и многие другие.

В Доме Асадуллаева прошел праздничный вечер «Калфак туе», приуроченный Международному женскому дню. В концертной программе прозвучали песни в исполнении заслуженной артистки РФ и РТ Наили Фатеховой и ансамбля «Медина», певцов Зульфии Халиловой, Альфины Ахметжан, Рината Закурова, Рафика Валитова и многих других. Гости вечера приняли уча-

стие в мастер-классе по вокалу и попробовали силы в изготовлении татарских калфаксов. Зрителям представили зрелищный показ моделей известных московских дизайнеров, также прошел конкурс на приготовление самой вкусной национальной выпечки.

БУХАРА

В Узбекистане прошли мероприятия, посвященные Шигабутдину Марджани. Такое внимание к личности знаменитого татарского ученого, просветителя, философа в Узбекистане неслучайно. Важная часть биографии Марджани связана с обучением в знаменитых медресе Бухары и Самарканда. Здесь ученый написал несколько трактатов, в том числе о методах обучения естественным наукам, увлекся сбором и копированием древних и средневековых письменных исторических источников и историографической литературы, сведения которых позднее активно использовал в своих научных исследованиях. В Бухаре состоялся круглый

стол, посвященный жизни и творчеству татарского просветителя. Также в рамках Первого международного форума по паломническому туризму открыли мемориальную доску в честь Шигабутдина Марджани. В мероприятии приняли участие заместитель Премьер-министра Республики Татарстан, председатель Национального Совета Василь Шайхразиев, хоким Бухарской области Узбекистана Уктам Барноев, муфтий Узбекистана Усманхан хазрат Алимов, ученые, шакирды и татарская общественность.

КАЗАНЬ

С 11 по 19 апреля в столице Татарстана пройдет XXVI международный конкурс вокалистов имени М. И. Глинки - один из старейших, наиболее представительных и престижных музыкальных состязаний нашей страны. В этом году жюри возглавит заслуженная артистка России, народная артистка Республики Татарстан, лауреат Государственной премии им. Г. Тукая, первой премии XXI Международного конкурса вокалистов им. Глинки - Альбина Шагмуратова. Членами жюри также станут выдающиеся представители оперного искусства: народная артистка СССР Ирина Богачева, народные артистки России Ольга Бородина, Лариса Гергиева, Марина Мещерякова и другие. Учредителями конкурса

выступают Министерство культуры Российской Федерации и Министерство культуры Республики Татарстан при поддержке Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова. По решению оргкомитета лауреаты XXVI Международного конкурса вокалистов имени М.И. Глинки автоматически станут участниками XVI Международного конкурса имени П.И. Чайковского в июне 2019 года.

МОСКВА

30 марта в Москве в концертном зале «Измайлово» состоится Гала-концерт Первого международного фестиваля-конкурса имени Альфии Авзаловой. Фестиваль посвящен творчеству легендарной татарской певицы. В Гала-концерте примут участие лауреаты конкурса и гости фестиваля - звезды эстрады Татарстана и России, зарубежные артисты, прозвучат песни на татарском языке из репертуара Альфии Авзаловой. В

30 марта 18:00

ИЗМАЙЛОВО
ИЗМАЙЛОВСКОЕ ШОССЕ, 71 К3
М. ПАРТИЗАНСКАЯ

ГАЛА-КОНЦЕРТ
I Международного фестиваля конкурса
имени Альфии АВЗАЛОВОЙ

Лауреаты конкурса
Соллисты Государственного ансамбля песни и танца Республики Татарстан
художественный руководитель А.Р.Хамитов
Ансамбль «Казань Нуры» под управлением Раисы Ишковой
Государственный ансамбль песни и танца «Агыйдел» под руководством Л.Жалаловой

[495] 965-1987, [925] 517-2396, [916] 610-9009
[925] 517-2392, [916] 422-2635, [905] 784-8245

+ TICKETS.ZAMANCHA.RU +

концертной программе заявлены Венера Ганеева, Айдар Галимов, Хамдуна Тимергалиева, Нафкат Нигматуллин, Зухра Шарифуллина, Рашид Сабири, группа «Казан егетләре», Айгуль Сагинбаева, Руслан Сайфудинов, Алина Шарипзянова, Марсель Вагизов, Лилиана Ирнарзова, Зульфия Авзалова, Нурбек Батулла, Ислам Валеев. Также примут участие лауреаты конкурса, солисты Государственного ансамбля песни и танца Республики Татарстан, ансамбль «Казан Нуры», Государственный ансамбль песни и танца «Агыйдел».

КНИЖНАЯ НОВИНКА

К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловой Кармышевой

Оазисы Шелкового пути
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ, ИСТОРИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В Москве издан коллективный труд «Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения Центральной Азии». Стержневой линией книги стали научные интересы и идеи выдающегося этнографа, доктора исторических наук Балкис Халиловой Кармышевой (1916-2000), память о которой собрала обширный авторский коллектив.

Издание включает итоги исследований в области истории и культуры народов региона, традиционно находившегося в орбите научного анализа российских ученых. Кроме авторов из признанных отечественных институций (Кунсткамера, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт всеобщей истории РАН и др.), в проекте приняли участие авторитетные авторы из различных стран ближнего и дальнего зарубежья.

Книга обобщает целый пласт современных представлений о Центральной Азии, восполняет существенные пробелы в знаниях и может служить не только в сугубо научных, но и в учебных целях - в преподавании различных этнологических и антропологических дисциплин. Среди сюжетов работы - история советской этнографии Средней Азии, современные этнические процессы в регионе, религиозное возрождение, обрядность, народное искусство. Несколько статей посвящено татарской тематике. Издание проиллюстрировано фотоматериалами из этнографических экспедиций.

Напомним, что в нашей газете была опубликована статья, посвященная жизни и трудам Балкис Кармышевой (2017, № 4). Одним из составителей новой книги стал заместитель главного редактора газеты «Татарский мир» Марат Сафаров.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Директор московской школы № 1186 имени Мусы Джалиля Роза Шакирова (Хабидуллина) отметила юбилей. В Москве, Казани, других регионах страны Розу Шакирову хорошо знают как татарскую певицу. Она заслуженная артистка Республики Татарстан. Необычайной красоты тембр голоса, музыкальное чутье, глубина познания истоков и души народной музыки позволили ей встать в ряд лучших представителей национального искусства.

Роза Жафяровна училась в Казанском музыкальном училище, на подготовительном отделении Казанской государственной консерватории. Работала в Государственном ансамбле песни и танца Татарстана, в московском ансамбле «Хыял», в театре Рената Ибрагимова.

Роза Шакирова (Хабидуллина) всегда совмещала творческую деятельность с активной общественной и педагогической работой. Она - создатель популярной татарской молодежной группы «Айкай», некоторые участники которой навсегда связали свою судьбу с музыкой, с татарской песней.

С памятной датой Розу Жафяровну от имени заместителя Премьер-министра Республики Татарстан - полномочного представителя РТ в РФ Равиля Ахметшина поздравил заместитель полпреда Эмиль Файзуллин. «Искренне благодарим ее за подвижнический труд во имя сохранения и развития культуры, языка, традиций татарского народа. Будучи артисткой яркого дарования, она щедро дарит слушателям свой талант, великолепное исполнительское мастерство, а главное, - тепло души и сердца», - говорится в поздравительном адресе полпреда. Коллектив газеты «Татарский мир» присоединяется к этим замечательным словам и желает Розе Жафяровне долгих и счастливых лет жизни!

Марат Ширинский

В АВАНГАРДЕ ОБРАЗОВАНИЯ

МОСКОВСКИЙ
ГОРОДСКОЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МГПУ

Высокий уровень московского образования, победы учеников на престижных олимпиадах, а учителей – на профессиональных конкурсах, техническая оснащённость школ – все это хорошо известно и общепризнано. Важнейшей стороной жизни московского образования остается и подготовка кадров, повышение профессионального мастерства, работа с молодыми специалистами. Во главе этих серьезных процессов – Московский городской педагогический университет.

Университет уже имеет свои традиции, ведь в этом году ему исполняется 24 года. В середине 90-х гг. в Москве было принято создать свой педагогический вуз. В первый год приняли первых 1300 студентов на 8 факультетов по 17 специальностям и 3 формам обучения.

И здесь необходимо вспомнить известную многим московским учителям Любовь Петровну Кезину, долгие годы энергично возглавлявшую Департамент образования Москвы. Благодаря её незаурядным организаторским способностям удалось в разных частях большого города за очень короткие сроки открыть современный педагогический вуз. Кстати, именно поддержка Кезиной в эти же годы способствовала открытию в Москве школы с татарским этнокультурным компонентом в Люблино, ныне носящую имя Мусы Джалиля. Много различных передовых инициатив в области образования были реализованы тогда не благодаря, а вопреки...

Основан университет был 1 марта 1995 года, но в будущем его структура серьезно менялась. В 2012 году к МГПУ был присоединён ещё один небольшой московский городской вуз педагогического направления — Московский гуманитарный педагогический институт, а в 2013 году — Московская государственная академия делового администрирования. С 2010-х в состав вуза включены также несколько школ и колледжей, в том числе гуманитарно-правовой и экономический колледжи, колледжи «Арбат», «Дорогомилово», «Измайлово», «Медведково», «Черёмушки», колледж имени Маршака, одна средняя образовательная школа, а также школа водных видов спорта. Недавно в вузе создан Институт цифрового образования, быстро ставший наиболее передовым и современным учебным подразделением в МГПУ. Прочное сочетание научно-педагогического и технологического потенциала Института позволяет успешно реализовывать более двадцати инновационных образовательных программ с учетом современных тенденций использования цифровых технологий в системе

Профессор МГПУ Н. И. Музафарова

образования. В Институте цифрового образования проводится подготовка высококвалифицированных учителей по математике, информатике, а также ученых и специалистов в сферах образования, прикладной информатики, информационных систем и технологий, бизнес-информатики, конкурентоспособных на рынке труда.

В числе известных за пределами системы столичного образования и другое подразделение МГПУ - Институт гуманитарных наук, образованный в 2010 году путём объединения исторического и филологического факультетов. И хотя объединение привычных факультетов в новые структуры, происшедшее тогда в системе высшего образования, не всеми в российском профессиональном сообществе было воспринято позитивно, опыт МГПУ показал, что подобное слияние может быть и продуктивным. Выпускники института востребованы и работают в различных областях экономики и социальной сферы, в том числе школах и вузах, в Департаменте образования Москвы, правительствах Москвы и Московской области, федеральных министерствах, Центральном архиве города Москвы и институтах Российской академии наук, музеях, PR-структурах, службах социальной защиты населения.

Институт гуманитарных наук МГПУ является площадкой для проведения олимпиад, конкурсов и научных мероприятий по истории и филологии высокого уровня, обменивается опытом с научными центрами и университетами стран СНГ, Европы и Азии. В рамках программ академической мобильности Институт сотрудничает с Сорбонной, Университетом им. Атаюрка в турецком Эрзуруме, Университетом им. Витаутаса Магнуса (Литва), Институтом русского языка и культуры в Риме, Университетом

Столичный статус МГПУ, прямая подчиненность Департаменту образования,

реализация в вузе городских социальных программ, фактически поставили это учреждение во главе московского просвещения, а внимание к университету проявляется на самом высоком уровне Правительства Москвы. Мэр Москвы Сергей Собянин на постоянной основе контролирует работы по реконструкции зданий МГПУ. Территориальная разобщенность подразделений вуза – то, что ранее воспринималось в качестве недостатка, ныне становится преимуществом. Кампусы главного столичного вуза представлены в разных частях мегаполиса. Главное же здание, известное многим учителям, находится, как и прежде, близ ВДНХ, во 2-м Сельскохозяйственном проезде.

Но не стены и аудитории (даже самые оснащенные) красят университет, а его выпускники и преподаватели. Убедиться в этой аксиоме можно, посмотрев на имена выпускников этого вуза, который, несмотря на свой недолгий срок истории, уже может гордиться целой плеядой профессионалов в области просвещения, педагогической науки и особенно спорта. Среди них и наши земляки, например фигурист, выступавший в танцах на льду, мастер спорта международного класса Руслан Жиганшин.

Татары представлены и среди профессуры МГПУ. Так в Институте гуманитарных наук с 1998 года преподаёт доктор исторических наук профессор Нелли Идиатовна Музафарова. В течение этих лет она читает курсы истории, культурологии, истории религий, истории философии образования, истории политических учений. Свою педагогическую деятельность она начала еще в конце 1950-х гг. на Урале учительницей русского языка и литературы в Лямпинской семилетней школе Свердловской области, а высшее образование получила на историко-филологическом факультете Свердловского государственного педагогического института. Нелли Идиатовне довелось поработать директором средней школы в Читинском районе Свердловской области. Местность эта многонациональная. Здесь живут, помимо русских, и потомки давних переселенцев из Поволжья – татары, марийцы. С 1967 г. Нелли Идиатовна работала в вузах Свердловска, в 1976 году защитила кандидатскую диссертацию, а в 1988-98 гг. являлась заведующей кафедрой истории и политологии Свердловского института народного хозяйства. С 1998 года она живет и работает в Москве. Важным трудом для историографии является докторская диссертация Н. И. Музафаровой, посвященная политике Советского государства в отношении религии и верующих в довоенный период.

Лекции ученых-гуманитариев с таким большим научным опытом, как Нелли

Идиатовна, знающих не только историю, но и повседневную жизнь разных частей нашей страны, обогащают студентов МГПУ, расширяют их кругозор. И если профессор Музафарова большую часть своей профессиональной биографии связала с историей религии и Уралом, то другая наша соотечественница, работающая в МГПУ, доктор филологических наук Элеонора Шафранская изучает иной регион – Туркестан. Этот край также тесно связан с давним татарским присутствием.

У Элеоноры Федоровны Шафранской татарская родословная идет по материнской линии; свои татарские корни она хорошо знает и помнит. Выпускница Ташкентского государственного университета, профессор Шафранская и в Москве продолжает изучать свою давно выбранную тему, ставшую сквозной в её научной биографии – культуру Средней Азии, туркестанский текст в русской литературе. Это особый пласт прозы, во многом именно Элеонорой Шафранской бережно поднятый из старых, не переиздававшихся более века книг.

Что такое туркестанский текст? Используя замечательную метафору историка Веры Тольц о Туркестане – «собственном Востоке России» можно говорить и о туркестанском тексте, то есть о восприятии русскими авторами этого края. Напрашиваются неизбежные параллели с происшедшим в эту же эпоху (конец XIX-начало XX вв.) и всем известным художественным осмыслением Востока английскими литераторами, Киплингом например. Схожий интерес к путешествиям, переселению в древние города, увлечению колоритной культурой испытывали и русские интеллектуалы. Элеонора Шафранская изучает прозу и совсем забытых авторов (подобно Николаю Карзину (1842-1908) – свидетелю русского освоения Туркестана) и расширяет хронологические рамки туркестанского текста, относя к нему произведения узбекского русскоязычного писателя Тимура Пулатова или живущей в Израиле уроженки Ташкента Дины Рубиной. Известный роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы», воссоздавший атмосферу советского Ташкента, всколыхнул среди выходцев из Средней Азии ностальгию по ушедшему миру, реалиям, быту. Фактически именно Элеонора Шафранская является ныне наиболее авторитетным исследователем прозы Дины Рубиной.

Профессор МГПУ Э. Ф. Шафранская

Разумеется, не только тема ностальгии и реконструкция ушедшего становятся темой исследований Э. Ф. Шафранской. И если в изысканной прозе Тимура Пулатова Шафранская находит влияние суфийской эстетики, то и в романах Рубиной (многими воспринимаемыми в качестве «легкой» или даже массовой литературы) определяет мотивы ожидания Мессии, жизни художника, покинутого и обретенного дома. Видимо, этот тот случай, когда литературоведческие штудии читать также интересно, как и сами художественные произведения. А несколько лет назад Элеонора Шафранская опубликовала интересную монографию, посвященную художнику Усто Мумину (1897-1957). Русский художник Александр Николаев, принявший ислам и сменивший имя, ученик Малевича; очарованный Востоком странник. Эти известные сюжеты его биографии Элеонора Шафранская расширяет новыми сведениями, своими интерпретациями работ художника.

Можно и дальше продолжать рассказывать о замечательных профессорах МГПУ, включая и представителей татарской общины. Здесь преподают много неординарных исследователей и талантливых лекторов. Не случайно и справедливо МГПУ называют авангардом московского образования.

МАРАТ ШАКИРЗЯНОВ

Слагаю года и сжигаю мгновенья...

Всеволод Мейерхольд говорил: «У театра есть одно удивительное свойство: талантливому актеру почему-то всегда попадает умный зритель. Доверяйте зрителю! Он гораздо умнее, чем мы по большей части о нем думаем».

Если зал улыбался, значит, актер дарил улыбки, если зал плакал - значит, артист горел огнем! Марк Захаров однажды очень точно подметил, что «сегодняшний серьезный спектакль по своей технологической сложности не уступает космическому аппарату и представляет собой соединение тончайших биологических процессов в организме актера с полифоническим движением всех остальных сценических «выразителей».

Заслуженный артист России, народный артист Татарстана, обладатель «Золотой маски» и Государственной премии РТ имени Г.Тукая, солист Мариинского театра Ахмед Ильтифатович Агади уже 20 лет держит зал в напряжении с первой минуты и до финала, ибо ему многое подвластно и многое разрешено, он ненавязчиво со сцены говорит нам о сущности всего, является властителем и господином зала, мучеником страстей и пленником зрительских похвал, из своих слез в финале он пьет нектар, сжигая дотла всю душу.

Когда в спектакле поет этот петербургский лучезарный тенор, всем становится теплей, сердца радуются, он дарит нам мотивы вечной темы, показывает красоту во всем, будит добрые чувства и слезы в миге трагического финала, мы, находясь по ту сторону рампы, понимаем, что его Радамес - это остров в бушующем море и одновременно щедрый оазис с прохладной водой. Его Хозе и Манрике - это уникальные страсти с чудными вокальными красками, сладкие грезы. В голосе Ахмеда Агади золото обернуто в бархат. Неотразимый актер и харизматичный исполнитель, он ездит по всему миру и дарит радость миллионам. Для любителей музыки - редкое удовольствие встретиться с певцом, отличительный голос которого навсегда отпечатывается в памяти. Художник, талант которого, видение и целостность выделяют его на фоне даже блистательных партнеров. Артист, присутствие которого на сцене выдыхает новую жизнь в истертыя временем роли. Это человек, со страстью которого конкурируют только его знания и чувство человечности. Таков Ахмед Агади. Мы разговаривали и...

- Ахмед Ильтифатович, Ваш отец - перс, а мама - татарка. Как, когда и где они встретились?

- Отец жил недалеко от границы Ирана с Азербайджаном в городе Тебризе, это крупный город, административный центр иранской провинции Восточный Азербайджан. В 20-летнем возрасте его забрали в армию, где служили тысячи иранцев. После второй мировой войны в Иране произошла мощная антишахские выступления и в результате мирной демократической революции к власти пришел Национальный фронт. Многие солдаты и офицеры по приказу погрузились в поезд и ехали несколько суток в неизвестном направлении. Когда двери вагонов открылись, иранцы оказались в СССР. Некоторые попытались бежать, но были застрелены. Большинство таким образом попало в Сибирь, пополнив гуглаговские «стройки коммунизма». После смерти Сталина в 1953 году освобожденные узники лагерей получили разрешение жить и работать в мусульманских республиках - Туркмении, Узбекистане, Казахстане. Одни оказались в городах, другие - в селах. Мой отец, не имея образования, поселился в совхозе, работал чабаном. У мамы тоже была очень трудная судьба - отец погиб на фронте, она осталась с младшим братом, вскоре заболела и умерла ее мама и они остались сиротами. Их с братом вырастила и воспитала узбекская семья. Она работала на ферме, ей было 18 лет, когда они познакомилась с папой. Вскоре они поженились, нас родилось 10 детей, все активно трудились, построили дом, дети всегда помогали друг другу, жили очень трудно после войны, но дружно.

- Ахмед, кем стали ваши братья и сестры, и где они живут? Вы успеваете с ними общаться при таком плотном гастрольном графике?

- Так все и живут в Казахстане по сей день. Раз в год в отпуске я стараюсь обязательно приехать к ним на две недели, чтобы всех увидеть, пообщаться. Мы очень дружны. Они меня очень любят, скучают, ждут.

- Что лежит в основе вашей жизненной философии?

- Творить добро и нести радость людям. Я выкладываюсь на сцене на 200 процентов, всего себя отдаю творчеству. Судя по отзывам зрителей и прессы зал чувствует мою энергетику. Я не могу брать, я все отдаю людям. Моя энергетика подпитывается воздухом, водой, природой. Обожаю лес, тишину, пение птиц, чистый воздух.

- Когда Вы решили, что будете петь?

- Сколько себя помню, столько и пою. Ничего другого себе и не представлял. Помогая в детстве отцу пасти лошадей, я громко пел все, что слышал по радио, пел часами и эхо разносило мой голос в горах. Мне это очень нравилось, душа трепетала, папа радовался.

- Певец - это человек, который носит свой «инструмент» в себе?

- Это действительно так. Мы, певцы, должны беречь свой голос, потому что на «инструменте» сказывается все - погода, недосып, острая еда, страх перед выступлением и прочее. Голос может стать негибким, звучать глухо и тогда на сцене будет сложно выразить все вокальные нюансы, мощь, силу чувств героя, а это моментально почувствует зритель.

- У Вас есть любимые композиторы?

- Обожаю Пуччини, Масканы, Верди, Леонкавалло. Верди иногда петь сложнее, а чтобы петь в операх моего любимого Пуччини, нужен «полетный» голос.

- Ваши любимые оперные партии...

- Это Каварадосси в «Тоске», принц Калаф в «Принцессе Турандот», Радамес в «Аиде», вечный ревнивец Хозе в «Кармен» забирает много душевных сил, но удовольствие петь эту партию громадное.

- Соответствует ли Ваш характер тем персонажам, которых вы исполняете? Не бывает внутреннего конфликта при работе над ролью?

- Внутреннего конфликта практически не бывает, потому что я переселяюсь в своих персонажей, ищу вокальные краски, жесты, драматургию, костюмы, грим, читаю специальную литературу. В современных операх иногда может быть внутреннее противоборство или дискомфорт - не нравится персонаж, не соответствует характер или темперамент, но в них мне предлагают петь редко.

- Насколько трудно вжиться в образ?

- Необходимо определенное время, чтобы выучить партию, войти в образ, понять поступки своего героя. Сложнее учить новое, неизведанное. Так недавно пел партию Маурицио в опере Франческо Чилеа «Адриана Лекуверер». Очень сложный драматический образ и характер. Приходится много репетировать... Смотрю фильмы, беру у актеров характерные жесты, взгляды, запоминаю движения. После спектакля порой часополтора отходишь от образа, анализируешь детали, упущения, потом долго не можешь уснуть....

- Пение - это удовольствие или работа?

- Когда ты в хорошей форме и голос отдохнувший, чувствуешь, что получаешь удовольствие от пения. В целом это, конечно, удовольствие. Зритель не должен видеть, что актер не в форме, ему трудно петь, не получается характер и т.д. Работа остается на репетиции, спектакль уже должен нести радость и оптимизм. А когда зрители кричат «Браво», это очень окрыляет артиста.

- Какие эмоции испытываете во время пения?

- Во время пения я нахожусь в роли: если радость - в данный момент я радуюсь, если страдание - надо мощно показать страдание. Безумно красивая ария Каварадосси перед расстрелом, там столько драматизма!.. Зрители сидят в слезах.

- Когда Вы находитесь на сцене, о чем думаете?

- Перед выходом вечно волнуясь - как себя поведет голос? А уже выйдя на сцену - отдаюсь музыкальной стихии, выполняю все решения композитора, слушаю дирижера.

- Сколько времени необходимо, чтобы научиться петь хорошо?

- Этому надо учиться всю жизнь. Нельзя расслабляться, надо всегда думать, слушать записи великих мастеров - Карузо, Доминго, Паваротти. Я пою уже четверть века, а каждый день стараюсь выучить что-то новое, внести теплые краски, чтобы радовать зрителя. Нужно свободное дыхание, освобождение мышц, занятия, упражнения идут постоянно. Тут поистине «век живи - век учи».

- В театре, если он акустически не идеальный, бывают звуковые ямы? Вы их ощущаете?

- Бывают «ватные» залы, неудобные, особенно за рубежом, там нельзя форсировать темп и звук, но петь все равно надо так, как привык, не усиливая звук.

- Как удается соединить академический вокал с драматической игрой?

- В идеале все должно быть естественным и натуральным, иначе публика не поверит. Игра и вокал должны, по сути, так слиться, чтобы во всем был смысл и пластичность. Переживания и любовь на сцене должны быть понятны зрителю со всеми нюансами. В красоте и простоте сила. Здесь уже у каждого артиста индивидуальный подход к образу.

- Сцена - это священное место?

- Для артистов сцена - место сакральное, почти храм. Я после спектакля и в Казани, и в Петербурге долго убираю грим, потом обязательно выхожу на сцену и благодарю уже пустой зал за то, что все прошло для меня удачно.

- Кроме пения, какими еще способностями Вы обладаете?

- Очень люблю танцевать, умею хорошо рисовать, жена даже уговаривает иногда сделать выставку моих картин. Любил лепить красивые фигурки из пластилина для своего маленького сына (сейчас ему уже 17 лет). Я люблю фигурное катание, хорошо плаваю. Думаю, что если бы не стал певцом, то стал бы спортсменом. Я люблю побеждать и думаю, что в спорте достиг бы серьезных высот. Мы ведь и на сцену идем побеждать. Вкус победы изумителен.

- Что значил для Вас сначала переезд в Москву, а потом в Санкт-Петербург?

- Мне очень повезло с супругой, красавицей и умницей Ириной, которая, поняв мой творческий образ жизни и сумасшедший гастрольный график, дала мне удивительную творческую свободу, всегда и во всем поддерживает, при этом взяв на себя все невыносимые бытовые трудности (дачу, воспитание сына, уход за мамой и пр.). Обожаемый же сын Артем по моим стопам, увы, не пошел, а стал студентом МВТУ имени Н.Баумана и мечтает работать инженером в космической отрасли. Кстати, Артем Агади - круглый отличник. Я закончил Московскую консерваторию, потом 12 лет работал в музыкальном театре имени Станиславского и Немировича - Данченко, набирался опыта. С труппой театра оперы и балета имени М.Джалиля много ездил на гастроли в Европу. Но в театре Станиславского и Немировича-Данченко главный режиссер очень неохотно отпускал артистов на гастроли, не подписывал бумаги (а мне хотелось зарабатывать, чтобы кормить семью), была некая творческая ревность или зависть. Мне улыбнулась Фортуна и в 2005 году я получил приглашение спеть Хозе в «Кармен» на сцене Мариинского театра. Я отлично выступил, зрители аплодировали стоя, мне предложили переехать на работу в Санкт-Петербург. Я принял приглашение и переехал на берега Невы.

- Ахмед, как работаете в Мариинском театре с маэстро Валерием Гергиевым?

- Потрясающе! Он фантастически талантлив, умен, с ним легко работаете, это мастер своего дела.

- Иногда пишут, что миром оперы правят кланы и крупные оперные агентства. Это так или нет?

- Возможно. Я с ними не встречался. У меня много индивидуальных приглашений отовсюду, есть контракты, импресарио. С кланами я не знаком.

- Труд оперного певца - адский труд. Как Вы отдыхаете после спектакля?

- Расслабляюсь почти час под теплым душем, тело отдыхает, душа успокаивается. Два-три дня отдыхаю, сплю, иногда гуляю в парке для получения положительной энергии.

- Как бережете голос?

- Отключаю телефон, молчу, гуляю, правильно питаюсь, стараюсь ни с кем не разговаривать. Полноценный отдых восстанавливает голос.

- Александр Вертинский говорил, что «актер всегда один. Но зато он Бог! А Боги одиноки». Что Вы думаете по этому поводу?

- Это очень точно подмечено. Большинство великих и талантливых людей - одиноки. Боги очень одиноки, я согласен, особенно в душе. Вспомните Р. Нуриева, Ф. Раневскую, Г. Уланову, Олега Даля. При своем блистательном таланте и фантастической работоспособности они мучились сомнениями от непонимания, недооцененности, от одиночества. Честно говоря, это страшно. И всю свою нерастраченную энергию они отдавали зрителю, ибо главный судья их таланта - он. Некоторые спивались от одиночества, примеров очень много.

- С кем из великих мастеров века посчастливилось вместе петь или просто общаться?

- Мы пели вместе с Дмитрием Хворостовским, очень комфортно мне с Анной Нетребко, Марией Гулегиной, общался с Л.Паваротти, П.Доминго, Хосе Курой, Рене Папе. В нашем театре по приглашению Валерия Гергиева пело очень много знаменитостей, все они оставили в моей душе неизгладимый след.

- Идущий вперед теряет покой, стоящий на месте теряет себя. Это так?

- Стоять на месте нельзя, надо всегда двигаться, петь, использовать все приглашения. Творческий застой опасен. Я не люблю сидеть без дела, надо всегда быть беспокойным, искать новое, гастролировать, участвовать в проектах, фестивалях и т.д. Пусть «покой нам только снится!»

Искусство мира - вечное творить.

Искусство боя - просто победить.

Люби искусство - жертвуй собой.

Искусство жизни - быть самим собой.

Лейсан Халилова, научный сотрудник Института татарской энциклопедии АН РТ

Булат Хамидуллин, руководитель Центра изучения татарской диаспоры Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ

Звезды балета Узбекистана

В Узбекистане проживает одна из крупнейших татарских диаспор мира. Многие ее представители внесли заметный вклад в развитие различных отраслей науки, культуры и просвещения Узбекистана. Заметный след в истории театра оставили артистки-татарки Розия (Розия) Зарифовна Каримова - уроженка Казани и Галия Баязитовна Измайлова, родившаяся в Томске.

Розия Каримова

Первоначально знакомство узбекских танцоров с европейским классическим танцем осуществлялось по упрощенной программе в первой Узбекской танцевальной студии, созданной при концертно-этнографическом ансамбле. На базе этого творческого коллектива в ноябре 1929 года был создан Государственный узбекский музыкальный театр, с 1939 года – Театр оперы и балета, в настоящее время – Государственный академический большой театр оперы и балета имени Алишера Навои. Этот театр впитал в себя все богатство национального и мирового классического наследия, создал уникальные образцы узбекского музыкально-сценического искусства.

Знаменитая актриса узбекского балета Розия Каримова вошла в историю искусства как талантливый балетмейстер и исполнительница узбекских народных танцев, певица и педагог-искусствовед, основоположник теории узбекского танца, внесшая свой весомый вклад в развитие узбекского хореографического искусства. Она родилась в 1916 году в Казани в купеческой семье. Очень рано осталась без родителей. Приехав в Узбекистан, воспитывалась в детском доме в Маргилане.

В 1929 году поступила на подготовительное отделение Ферганского медицинского техникума, где принимала активное участие в художественной самодеятельности. В 1930 году Розия, получив музыкальное и хореографическое образование в театральной студии при музыкально-драматическом театре в Самарканде, становится солисткой этого театра. Среди ранних партий: Анархон («Товарищ» Яшена, 1930), Азадхон («Ич-карида» Яшена и Мухамедова, 1932), Асаль («Гульсара» Яшена, 1935).

С 1934 года Розия служит в Театре оперы и балета Ташкента. В то время в труппу ансамбля входили молодые творческие силы, впоследствии ставшие народными и заслуженными деятелями культуры, лауреатами государственных премий – артисты Тамара Ханум, Гавхар Рахимова, Зухур Кабулов, Бабарахман Мирзаев, Уста Алим Камиллов, Мукаррам Тургунбаева. Молодой коллектив с огромным успехом выступал не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами – в Бельгии, Голландии, Франции, Великобритании, Египте, России (в том числе Татарской АССР), Азербайджане, Грузии, поражая всех своей национальной самобытностью, ярким артистическим темпераментом, удивительной музыкальностью. Театр рос, преодолевал трудности и приобретал все более широкую популярность, становясь три-

буной масс, активным пропагандистом всего нового и прогрессивного в культуре. В 1937 году Розия Каримова в составе группы артистов на Декаде узбекского искусства и литературы в Москве представляла узбекское танцевальное искусство.

Высокая музыкальная культура балерины, отточенность и филигранность каждого элемента, знание стилистики движений узбекских танцев в сочетании с ослепительной внешностью и женственностью вызывали искреннее восхищение зрителей.

С 1932 года Розия Каримова ведет педагогическую деятельность в Ташкентском хореографическом училище. Она приступила к разработке теоретических основ хореографии и подготовке программы обучения танцовщиков. С 1940-х годов Розия Каримова работает балетмейстером в Театре драмы и комедии (ныне Государственный музыкальный театр имени Мукаими).

В годы Великой Отечественной войны Розия Каримова в составе фронтовой бригады артистов Узбекской ССР выступала с концертами в госпиталях в Ташкенте, Ургенче, Бухаре, а также перед бойцами Красной Армии на фронте. В 1943 году она в составе группы мастеров искусств Узбекистана участвовала в торжественном концерте перед главами стран антигитлеровской коалиции Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, а также другими участниками конференции в Тегеране.

После войны Розия Каримова продолжила научную деятельность по созданию теории сценической интерпретации народного танца. Она впервые в истории зафиксировала узбекский танец как хореографическое произведение, описала, обозначила и создала уникальную систему движений, позиций, жестов. Привела сведения об особенностях хореографии и исполнительского мастерства, о приметах костюма, оформлении номера, о музыкальном материале. С 1964 года работала научным сотрудником в Институте искусствознания имени Хамзы Хакимзаде Ниязи. Подготовила около 20 книг и учебных пособий по истории и теории узбекского танца. За выдающийся вклад в развитие узбекского хореографического искусства Розие Каримовой присвоены звания народной артистки Узбекской ССР, лауреата Государственной премии Узбекской ССР имени Хамзы Хакимзаде, лауреата премии имени Мукаррама Тургунбаевой; ее заслуги высоко оценены орденами «Эльюрт Хурмати» и «Знак Почета», а также медалями.

Розия Зарифовна ушла из жизни на 95-м году жизни 15 марта 2011 года. Похоронена великая балерина на кладбище «Минор» в Ташкенте.

Значителен вклад в развитие хореографической школы узбекского театра и другого видного деятеля балетного и танцевального искусства Узбекистана, мастера хореографии народной артистки СССР Галии Баязитовны Измайловой.

Галия родилась в 1923 году в татарской семье в Томске, где проживала в Татарской слободе. В 1932 году после смерти отца она вместе с матерью уехала в Ташкент. Танцевальная карьера Галии Измайловой началась в 11 лет. Ее выступление на конкурсе любителей танца понравилось Тамаре Ханум, и Галия была приглашена в только что открывшуюся школу балета.

В 1935–1941 годах Измайлова училась в Первой узбекской республиканской балетной школе Ташкента, по окончании которой была принята в труппу Театра оперы и балета. Была прима-балериной, исполняла ведущие партии в труппе театра. Труппа хорошо владела техникой

Галия Измайлова

исполнения узбекского классического и народного танца, но слабо – техникой классического европейского танца. Овладев основами балетного искусства и узбекской хореографии, Галия Измайлова пошла по творческому пути поиска нового в искусстве хореографии. В 1943 году в постановке «Ак Биляк» Василенко на тему народной узбекской сказки, в которой большое место занимает узбекский народный танец, блестяще исполнила классическую партию Семург.

В 1944 году Галия Измайлова получает первое признание зрителей как исполнительница ферганских и таджикских танцев, выступив на концертах Второй декады музыкального искусства республик Средней Азии в Ташкенте. В 1947 году Измайлова исполнила партию Сванильды в одном из первых спектаклей узбекской балетной труппы «Коппелия».

Галия Измайлова – признанная исполнительница труднейших партий балетов мировой сцены, академических партий в романтических старинных балетах и острохарактерных современных классических танцев народов Востока. Она обладала большой пластической выразительностью, виртуозным мастерством. Среди партий Галии Баязитовны: Мария и Зарема («Бахчисарайский фонтан» Асафьева, 1945, 1961), Гульнара («Балерина» Мушеля, 1949), Китри («Дон Кихот» Минкуса, 1948, 1960, 1970), Тао Хоа («Красный мак» Глиэра, 1949), Жизель («Жизель» Адана, 1957), Кармен («Боле-ро» Равеля, 1960), Наргиз («Кашмирская легенда» Мушеля, 1961), Хуанита («Дон Жуан» Фейгина, 1964), Эгина («Спартак» Хачатуряна, 1967).

Особенно ярко Галия Измайлова блистала в жанре хореографических миниатюр на темы классических танцев Азии. Как исполнительница народных узбекских, а также китайских, арабских, индийских танцев гастролировала за рубежом – в Китае, Франции, Великобритании, Индии, США. «Муножот», «Тановар», «Дилхиро» в ее исполнении стали классикой. В 1947 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Праге она получила первую премию за исполнение узбекского (бухарского) танца «Занг».

В 1961 году Галия Измайлова окончила Ташкентский театрально-художественный институт и продолжила свою артистическую карьеру как балетмейстер в родном театре имени Навои. Она воспитала десятки талантливых учеников, создала своеобразную творческую школу, поставила более 30 спектаклей.

В искусстве Измайловой объединились особенности выразительной художественной пластики Востока и Запада, русской и узбекской школ классического танца. Измайлова вошла в историю узбекского искусства как основоположник нового танцевального жанра – сцениче-

ского классического танца Востока. Исполнив свои известные танцы в фильмах «Очарован тобой» Ю. Агзамова (1958), «В этот праздничный вечер» Г. Ливанова и Ф. Мустафаева (1959), «Где ты, моя Зульфия» А. Хамраева (1964), «Восточное сказание» Л. Файзиева (1972), «И еще одна ночь Шахерезады» (1984), «Новые сказки Шахерезады» (1986), «Последняя ночь Шахерезады» (1987) Т. Сабирова, Галия Измайлова оставила неизгладимый след в истории киноискусства.

Юная Розия Каримова

Большие заслуги Галии Измайловой в развитии национальной культуры и искусства были высоко оценены государством. В 1963–1970 годах она являлась депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. Ей были присвоены звания народной артистки Узбекской ССР и СССР, лауреата Государственной премии СССР, Государственной премии Узбекской ССР имени Хамзы Хакимзаде, она была награждена орденами Ленина (дважды), «Знак Почета», «Мехнат Шухрати» («Трудовая Слава») и «Дустлик» («Дружба»), медалями.

Умерла Галия Баязитовна 2 октября 2010 года в возрасте 87 лет. Похоронена на мемориальном кладбище «Чигатай» в Ташкенте.

В Узбекистане и в России помнят и высоко ценят творчество Розии Каримовой и Галии Измайловой. Они навеки вошли в историю узбекского и татарского искусства!

Марат Сафаров, кандидат педагогических наук

Путешествие со старыми фотографиями

Малый Татарский переулок дом 4. Дом Хасана Ерзина в послевоенные годы.

Татарская слобода в Замоскворечье – частый сюжет наших материалов. Здесь каждый дом хранит историю своих бывших владельцев и обитателей. Стоит лишь немного постараться – найти архивные свидетельства или познакомиться с потомками старожилов-москвичей, и откроются ценнейшие свидетельства ушедшего мира.

В нескольких минутах ходьбы от редакции нашей газеты, в тихом Малом Татарском переулке расположен двухэтажный кирпичный дом № 4 постройки 1900 года. Дом этот занимает значительную часть переулка и всем своим видом демонстрирует рядовую городскую застройку начала XX века – то, без чего не может существовать ткань исторического центра Москвы. За прошедшие десятилетия заложили боковые окна, снесли приземистую пристройку, исчез обширный хозяйственный двор, где держали корову и коз, но вероятно, главным изменением стало уже долгое и привычное отсутствие жильцов. Сквозь старые (подлинные!) окна ощущается запустение и отсутствие заботливого хозяина.

До 1967 года здесь находились коммунальные квартиры. Именно с их расселением на несколько десятилетий из Замоскворечья ушла татарская речь. Теперь совсем рядом расположен Татарский культурный центр, но большинство его

посетителей заходят в переулок со стороны Новокузнецкой улицы и упускают из вида старый купеческий дом. А между тем дом № 4 имеет богатую фотоисторию и в него даже можно «заглянуть» спустя более чем век.

Если парадных купеческих фотографий, сделанных в ателье, сохранилось очень много, то снимков внутреннего убранства домов, бытовых сцен дошло до нас гораздо меньше. Тем ценнее замоскворецкое фото 1912 года, хоть и несовершенное и неотреставрированное. Шамсикамар Ерзина с маленькой дочерью Зухрой, своими родными, нянькой и кухаркой, стоящей на фоне буфета. Эти резные буфеты я еще застал у коренных москвичей, как и старинную посуду. На ветхом фото посуда трудно опознается, но известно, что в среде зажиточных касимовских татар ценился не массовый кузнецовский фарфор, наполнивший всю старую Россию, а сервизы, произведенные в Петербурге на заводе Бр. Корниловых. И ныне, спустя целый век, корниловские тарелки, чашки, блюда не потеряли стойкости своего утонченного цвета. Хрупкая посуда часто оказывалась прочнее человеческих жизней...

А теперь пришел черед рассказать и о хозяевах этого дома. До 1918 года он принадлежал Хасану Салиховичу Ерзину – сыну всем хорошо известного купца и мецената Салиха Ерзина. Капитал отца и его сыновей, связанный с хлопком и бухарским каракулем, был неразделенным. Ерзин строил или покупал своим сыновьям по всей Татарской слободе дома, большинство из которых сохранились.

Женили Хасана Ерзина сообразно купеческим порядкам – на дочери касимовского меховщика Ахмеда Хайруллоевича Кастрова. Шамсикамар родилась в 1881 году, и если по отцовской линии принадлежала к Кастровым, то по материнской – к богатейшей казанской династии Юнусовых. Согласно семейному преданию и её родителей помолвили внутри сословного круга, да инога и быть не могло. Отцы договорились о судьбах своих детей на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде, среди лавок и восточных товаров, причем Юнусовы легко и без особых уговоров отдали замуж свою дочь в Касимов. Лишь в Касимове, на свадьбе вскрылась эта настора-

живающая легкость – казанская невеста оказалась больна эпилепсией... Но никаким уже прочитан, калым выплачен. Вскоре родилась Шамсикамар, а потом её молодая мать умерла.

Шамсикамар же была дарована долгая жизнь, а вернее три жизни. Детство, проведенное в тихом, уютном Касимове на Оке, в отцовском доме на Ханской площади. Замоскворецкое замужество и вхождение в большую ерзинскую семью. А дальше – крах всего привычного уклада, революция, национализация и долгий коммунальный быт.

Третью свою жизнь она хотела предотвратить. К приходу большевиков к власти Шамсикамар была уже вдовой. Выход из ловушки она пыталась найти подобно многим тысячам своих соотечественников, но решиться на самый сложный шаг не решилась.

В причудливых реалиях раннесоветской Москвы искал свое политическое будущее Энвер-паша. Ровесник Шамсикамар, тоже родившийся в 1881 году, он был уже известен всему миру. В Первой мировой войне являлся военным министром, а раньше – активным участником Младотурецкой революции 1908 года, одним из лидеров партии «Единение и прогресс». Литературы, посвященной Энверу-паше, за столетие накопилось целая библиотека, но чаще всего его имя упоминается в армянской историографии и публицистике в связи с трагическими событиями 1915 года.

дет в августе 1922 года, а пока Энвер-паша живет в Москве.

Знаменитого турка московские татары часто приглашали в гости, с интересом принимали, и он предложил многим из них эмигрировать в Турцию. Несмотря на свой собственный статус политэмигранта, Энвер-паша обещал татарам содействие в переезде.

Противоречие московской жизни тех лет. Шамсикамар, обдумывая предложение Энвер-паши об эмиграции, решила обратиться за советом к Мирсаиду Султан-Галиеву – видному большевику, но и родственнику, женатому на представительнице ерзинской семьи – Фатиме. Уезжать ли в Турцию или остаться в советской Москве?

Султан-Галиев отговорил Шамсикамар, убеждая её, что в переполненном русскими беженцами Стамбуле её припрятанные драгоценности быстро обесценятся, а женщине-вдове будет трудно найти работу в патриархальной Турции. Да и зачем уезжать, если Октябрьская революция открыла мусульманам невиданные прежде свободы. Шамсикамар вняла совету и осталась. Умерла она в Москве в 1968 году.

Но вернемся в её дом. В 1920-30-е гг. здесь – в двух шагах от Татарского клуба им. Ямашева, собиралась татарская молодежь, обсуждая концерты и спектакли. Бывал здесь в гостях и Муса Джалиль. Снимал угол студент Московской консерватории Ягья Шерфединов

Шамсикамар Ерзина (вторая слева) с дочерью Зухрой в своем доме. 1912 год.

В начале 1920 года Энвер-паша прибыл со своими сподвижниками в Москву. Большевики в то время поддерживали обе ведущие турецкие партии: Мустафы Кемала и Энвер-паши, борющиеся за власть в распадавшейся Османской империи. Энвер базировался в Москве около полтора лет, работая в Обществе единства революции с исламом. Въезд в Турцию ему был запрещен через год Великим Турецким Национальным собранием, выпустившим специальный приказ от 12 марта 1921 года. Запрет был наложен на Энвер-пашу за «возможное ухудшение внутренней политики в стране и внешних отношений правительства Анкары».

Правительство же советской России надеялось использовать Энвер-пашу для защиты своих интересов в Средней Азии и на Кавказе, и он согласился на определённую программу взаимодействия, при этом стратегической целью было противодействие англичанам. Из этого альянса ничего не вышло. Энвер-паша сам примкнул к басмачам и закончил свою бурную жизнь в бою с частями Красной Армии на территории современного Таджикистана. Но это произо-

(1894-1975), приехавший из Феодосии и в юности игравший на скрипке в знаменитом кокебелевском доме гостям Максимилиана Волошина. Слово предвидя трагедию своего народа, Ягья еще до войны уехал с молодой женой в Ташкент. Композитору будет суждено стать хранителем крымскотатарской музыкальной традиции на долгие годы изгнания.

Кстати, бывшая хозяйка дома в Малом Татарском Шамсикамар Ахмедовна Ерзина любила Крым и знала крымских татар задолго до встречи со своим музыкантом-постояльцем.

В подтверждение – сбереженные фото. Ялта. 1910 год. Молодая Шамсикамар в традиционной народной одежде крымских татар позирует на набережной. Рядом крымскотатарские девушки, пригласившиеся к запросам богатых туристов на «ориентальные» фотографии; они служат живыми моделями колоритного антуража. И можно представить на мгновение, что в запечатленной на снимке Ялте еще помнят местного дачника Чехова, или рядом прогуливаются герои его «Дамы с собачкой».

Шамсикамар Ерзина в крымскотатарском антураже (справа) Ялта. 1910 год.

Гульчачак Ханнанова

Московские гастроли

Гузель Яхина с художественным руководителем театра Олегом Хановым

В Москве на сцене Театра имени А.С.Пушкина с большим успехом прошли гастроли Башкирского академического театра драмы им. Мазита Гафури.

Спектакли творческого коллектива в столице в Год театра приурочены к 100-летию образования Республики Башкортостан и вековому юбилею башкирского театра. Первый же его спектакль, поставленный по популярной книге московской писательницы Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза», прошел в рамках Всероссийского фестиваля «Золотая маска» с полным аншлагом.

Башкирский театр не впервые приезжает в Москву, так, в последний раз он гастролировал в Российском государственном театре «Сатириконт» имени Аркадия Райкина пять лет назад. Нынешний год, однако, для него особенный - с московских спектаклей в год своего столетия театр начал насыщенный юбилейный гастрольный тур по России и другим странам.

Для москвичей и живущих в столичном регионе земляков он привез свои лучшие спектакли – номинированную по итогам 2018 года на театральную премию «Золотая маска» драму «Зулейха открывает глаза», музыкальную комедию по пьесе Мухаметши Бурангулова «Шауракай», удостоенный наград на отечественных театральных фестивалях спектакль «Навстречу мечте» по повести Айги за Баймухаметова «Не оставляй, мама!», а также гала-представление с участием всего коллектива, которые завершили выступления коллектива в Москве. Спектакли прошли на башкирском языке с синхронным переводом на русский язык.

Под аплодисменты...

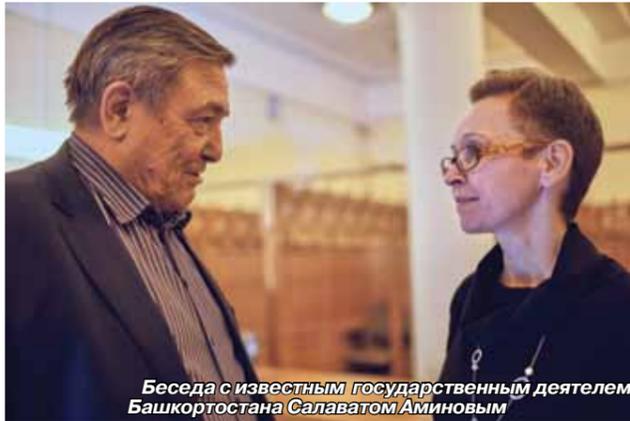
На первом спектакле театра побывала автор книги «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхина, высоко оценившая башкирскую постановку своего произведения. Столичная публика тоже по-своему отметила творческие достижения театра – впервые в истории коллектива билеты на спектакль «Зулейха открывает глаза» перепродавались с рук за две, а то и за 10 тысяч рублей, а попасть на него из-за ажиотажного спроса смогли далеко не все желающие.

Оргкомитет ежегодного фестиваля «Золотая маска» номинировал исполнительницу главной роли Зулейхи Римму Кагарманову на Российскую национальную театральную премию года за лучшую женскую роль. Театральные критики восприняли постановку, отражающую тему репрессий сталинского периода, как высокохудожественный «спектакль-миф», отметили режиссуру Айрата Абушахманова, виртуозный перевод литературного текста книги, удачное сочетание национальных традиций и расширяющей горизонты действия символики, работу художника Альберта Нестерова - создателя уникальных декораций, вовлекающих в действие зрительный зал.

После спектакля, на второй день гастролей, прошла встреча руководства и творческого коллектива башкирского театра с и.о. полномочного представителя РБ при Президенте РФ – заместителя Премьер-министра Правительства Башкортостана Р.Д. Симандуевым. В ней приняли участие директор театра Иршат Файзуллин, заслуженный артист РФ, народный артист РБ, художественный руководитель театра Олег Ханов, артисты театра - народный артист РФ и РБ Хурматулла Утяшев, заслуженный артист РФ Ильдар Сайтов, актеры Римма Кагарманова, Алмас Амиров и другие.

«Поначалу мы переживали о том, как воспримет нашу инсценировку искушенный московский зритель, ведь книга про Зулейху сейчас бурно обсуждается в обществе, идут съемки сериала по ней, и многие зрители, как мы поняли, пришли именно для того, чтобы посмотреть и оценить нашу интерпретацию этого произведения. Исходя из требований московского театра, пришлось немного переосмотреть и декорации – деревья, «лесоповал», важные для восприятия действия и обычно применяемые в Уфе, пришлось из зрительного зала убрать. Тем не менее по ходу пьесы, особенно во втором отделении, мы почувствовали, что со зрительным залом «пошёл контакт», и поняли, что сумели до него «достучаться». Это придало нам вдохновения», - рассказала исполнительница роли Зулейхи Римма Кагарманова.

Представители театра рассказали о том, что в этом году, помимо фестиваля «Золотая маска», театр участвует также в Федеральной программе «Большие гастроли», его здание и сцена будут обновляться, а труппа театра на протяжении всего 2019 года будет гастролировать по

Беседа с известным государственным деятелем Башкортостана Салаватом Аминовым

стране и за ее пределами - в Казани, Улан-Удэ, Санкт-Петербурге, Оренбурге, Казахстане и ещё ряде городов, примет участие в фестивалях «Туганлык», «Навруз», Театральной Олимпиаде.

Актеры поделились впечатлениями от теплого приема, оказанного им московским зрителем, и поблагодарили руководство полномочного представительства за внимание к культурной жизни республики и организационную поддержку. «В полномочном представительстве многие из нас бывали, даже жили во время прежних выступлений в Москве, и мы всегда воспринимали его как частицу нашего родного дома в столице. Надеемся, так будет и в будущем», - сказал Хурматулла Утяшев.

И.о. полномочного представителя РБ при Президенте РФ - заместителя Премьер-министра Правительства РБ Р.Д. Симандуев, днем ранее побывавший на спектакле, пожелал коллективу новых творческих прорывов. Участники встречи в полномочном представительстве договорились, в частности, о взаимной поддержке и вовлечении в мероприятия землячества республики в Москве группы из 17 студентов из Башкортостана, обучающихся второй год по целевому набору на актерском отделении Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина. Спустя несколько лет они должны закончить обучение, пополнить труппу башкирского театра и продолжить его творческий путь.

В «ШТАБЕ ТАТАР МОСКВЫ»

В январе нового года в рамках московских гастролей прошел вечер с актерами театра Г. Камала. Не прошло и месяца после завершения камаловских гастролей, в Москву приехала труппа Башкирского театра с популярными спектаклями «Зулейха открывает глаза», «Шауракай» и «Навстречу мечте». По инициативе башкирской общины Москвы в «Штабе татар» была запланирована встреча с актерами театра М. Гафури. На мероприятии собралось более ста человек. Среди них были председатели и активисты студенческих клубов, татарских и башкирских организаций, аксакалы.

Вечер вела народная артистка Башкортостана Сара Буранбаева. Мероприятие началось с выступления художественного руководителя театра М. Гафури Олега Ханова. Руководитель театра в первую очередь выразил слова благодарности организаторам вечера, отметив чуткое и внимательное отношение московской общественности к башкирскому театру. Также Олег Ханов рассказал о роли театра в культурном и духовном развитии татар и башкир.

Режиссер театра Айрат Абушахманов остановился на проблеме сохранения языка и культуры башкир вне Башкортостана. «За пределами республики замечается более чуткое отношение к сохранению языка. И башкиры, и татары по всей России активно сохраняют свою самобытность», - отметил Абушахманов.

Во время вечера также затронули вопрос татарских и башкирских языков в школах братских республик. Об этом выступил актер Ильдар Гумеров, отметив, что языки республик должны не только преподаваться во всех школах, но и обучение в национальных школах должно вестись на родных языках.

Встреча с актерами башкирского театра продолжилась песнями и стихами. Легендарные актеры театра Нурия Ирсаева, Ильсияр Газетдинова, Хурматулла Утяшев, Суфия Курбангалиева исполнили известные башкирские песни и стихи.

Встреча завершилась выступлением московского башкирского ансамбля «Ак тирмэ».

Пресс-служба «Штаба татар»

Рауль Мир-Хайдаров

И все же дорожже мне ты...

Тукаевские дни... Прекрасная традиция зародилась в Татарстане – собираться в день рождения великого поэта у его памятника. Там ежегодно объявляют имена лауреатов премии имени Тукая, и этот день можно назвать Днем татарской литературы, Днем единения нашего народа...

Тукай – яркий представитель татарской культуры для всего мира. Он олицетворял искания родного народа в конце 19 века – пору расцвета национального театра, литературы, журналистики. Г.Тукай – пламенный публицист, трибун и ярчайший политик своего времени, защитник своего народа. Сегодня в XXI веке его труды актуальны как никогда. Его литературное наследие, которое он оставил для нас за 27 лет своей жизни, позволяет нам, татарам, остаться в культурном пространстве народов мира.

Уже целое столетие историки и литературоведы процеживают его жизнь, его творчество через тончайшее сито, надеясь отыскать хотя бы одну его незнакомую строку...

Казалось бы, что мы уже все знаем о своем гении, но случаются в жизни и чудеса. Случаются, потому что Всевышний видит, что значит Тукай для татар и сегодня. Хочу поделиться с читателями «Татарского мира» своим радостным открытием. Благодаря моим публикациям, в которых упоминается мой родной Мардук, я неожиданно оказался причастным к малознакомому или неведомому многим факту из жизни незабвенного Тукая.

У меня с детства существует с Тукаем какая-то мистическая связь, наверное, оттого и пришли ко мне эти сведения. Хотя, казалось бы – где Казань, а где мой Мардук?

Я всегда аттестовал себя оренбургским татаринком. Мои родители и их предки во втором и третьем поколении – горожане. Отсюда, от родителей, начинается и моя материальная связь с поэтом. Мардук находится в 200 километрах от Оренбурга, города, где до революции преимущественно проживали мусульмане – татары, казахи, узбеки. Во время революции и Гражданской войны, особо жестоко прокатившейся по Оренбуржью и больно коснувшейся даже нашего Мардука, многие татары бежали от репрессий и конфискации в Казахстан и далее в Среднюю Азию. Вся история татарской миграции с 16 века свидетельствует о том, что они всегда стремились туда, где был единый по вере народ, оттого и спаслись.

В нашей семье из достойного упоминания имущества, которое удалось сохранить после всех экспроприаций, остался лишь только большой, заводского производства, сундук красного сандалового дерева, весь окованный блестящими медными пластинами с вкрапленными в них разноцветными полудрагоценными камнями. Думаю, что когда-то его мои предки привезли из Персии или Аравии. Сундук закрывался на медный, очень красивый ключ. Когда его открывали, пахло сандалом и звучала какая-то короткая восточная мелодия. Волшебный сундук! Внутри в торцах у него находились глубокие узкие отделения, где хранились документы, какие-то украшения мамы, ордена отца и фотографии-дагерротипы наших родственников по материнской и отцовской линии, фотографии близких. Все снимки – семейные, и лишь на одном из них был изображен молодой человек с выразительными глазами и тонкими чертами лица. Много позже я узнал, что это – Тукай.

В конце 80-х, когда я стал печататься в «Казан утлары», снимок Тукая я передал Равилу Файзуллину и посоветовал ему собирать ретро-фотографии. Сегодня в архиве журнала собралась бесценная коллекция фотографий – история нашего народа в лицах. Я рад, что имею отношение к этому собранию.

110-летие Тукая отмечали в Москве в Доме писателей. За день до мероприятия мне позвонил полпред Татарстана в Москве Фарид Мубаракшевич Мухаметшин и спросил: «Как нам найти для сцены в ЦДЛ хороший портрет Тукая?» Я ответил: «В Москве живут сотни татарских художников, половина из них преклонного возраста и, наверняка, они чтят Тукая. Возможно, у них есть». Полпред горестно посетовал – обзвонили всех, нет ни у кого. И тогда я призвался, что у меня, бесквартирного, живущего в Переделкино в Доме творчества, на стене висит портрет Тукая. И я отдал его. По окончании торжеств высокие гости, прибывшие из Казани, попросили меня подарить Музею Тукая этот портрет – я и подарил. Портрет написал Шакир Закиров.

Зимой 1978 года я работал в Доме творчества писателей в Малеевке, тогда же в феврале случились какие-то выборы. Избирательный участок находился в Рузе, и для писателей сразу после завтрака подали старенький потрёпанный автобус. Стояли сильные морозы, салон автобуса за ночь промерз основательно, и писатели окончили уже минут через пятнадцать. На обратном пути мы – Мустай Карим, Муса Гали, я и ещё один татарский писатель, которого я еще не знал – сидели сзади, на самом холодном месте, оттого, что дверцы автобуса прикрывались не плотно. Только мы вбежали в свой уютный тёплый холл Дома творчества, мысленно проклиная выборы и мороз, Муса Гали прошептал промерзшими губами: – У тебя есть что-нибудь...? Я молча кивнул головой, и мы разбежались раздеваться по своим комнатам. Я сразу включил чайник, достал бутылку коньяка, бутылку водки и начал нарезать колбасу и хлеб, банка с грибами открылась легко. И тут в комнату вошли Муса Гали и Мустай Карим. Мустай Карим, оглядев наскоро накрытый стол, довольным улыбнулся и спросил: – А ты Атилле пригласил? Поняв, что нет, он попросил: – Сходи, пожалуйста, за ним.

Так за моим столом появился Атилла Расих, писатель, фронтовик, орденоносец. Судя по их разговору за столом, я понял, что они знакомы давно.

Как только гость ушёл, Муса Гали спросил меня: – А ты знаешь, кто у него мать? Видя мое недоумение, он сказал с почтением: – Зайтуна Мавлюдова!.. Фамилию эту я знал, как и каждый мало-

Амина-апай 1972г.

мальски грамотный татарин – она была возлюбленной Г.Тукая, ей он посвятил несколько стихотворений.

- Атилла-абый – сын...Тукая? – спросил я взволнованно. Но в разговор вмешался Мустай Карим – к сожалению, нет, она вышла замуж за Кадыра Расулева, известного религиозного деятеля.

Сегодня, когда я пишу об открытии новых, неизвестных страниц из жизни Г.Тукая, я не мог не вспомнить о том, что сорок лет назад за моим столом в Малеевке сидел сын первой возлюбленной Тукая – Зайтуны Мавлюдовой. Это ещё одна тонкая нить, связавшая меня с Тукаем.

В начале нового века я случайно узнал, что в Казахстане, в г.Уральске татарский меценат Ришат Увалиевич Хайруллин выкупил бывшее здание медресе М.Тухватуллина, где учился в юности Тукай. Приобрел он и находившийся рядом особняк, где располагалась типография татарской газеты, с которой сотрудничал Тукай. Эти объекты он фактически перестроил заново. В просторных комнатах роскошного особняка с уютным внутренним двориком он создал музей Тукая и восстановил типографию. Отремонтировал Р.У.Хайруллин и мечеть, в которую ходил поэт. Я, конечно, не мог пройти мимо этого события, тут же поехал в Уральск. В музее много экспонатов, которых касались руки Тукая, есть вещи и интерьеры из дома Тухватуллиных. В Уральске всегда было много образованных татар, живших в достатке, оттого быт того времени воссоздан тщательно, исторически и стилистически выверенным. В нем чувствуется татарская жизнь, некогда проходившая в этих стенах.

И вновь совсем свежая, неожиданная связь с поэтом. В Москве 10 июня 2018 года ко мне обратился журналист-международник Гамер Баутдинов с просьбой помочь отыскать в Лондоне перевод стихотворения Г.Тукая «Пар ат», сделанное англичанами в 1914г., и статью профессора Вильямса «Российские мусульмане» в американском журнале «The Russian Review». Затем я получил письмо 12 июня из Казани из Музея поэта с этой же просьбой. Мне удалось найти и эти документы столетней давности и передать их Музею Г.Тукая и Министерству культуры РТ.

Теперь два слова о Мартуке – отсюда дорога ведет к неизвестной странице из жизни Тукая.

В 90-х годах в «Казан утлары» печаталась моя повесть, где упоминался Мардук. Неожиданно я получил письмо от хорошо образованной 80-летней женщины из Казани. Она читала журнал и увидела там упоминание о Мартуке. Оказалось, что до войны у нас отбывал

ссылку ее дед, духовное лицо, теолог, имевший опубликованные труды и некогда читавший лекции в исламских центрах Бухары и Самарканда. Оказывается, в молодости у них дома в Казани наш Мардук звучал, как Мекка – туда они писали письма раз в месяц, раз в год имели право отправить посылку, раз в два года – навестить своего родственника. Безумно жесточайшие годы! Это письмо я передал в «Казан утлары». Была еще жива моя мама, и я пытался отыскать его следы. Но, увы, время стирает следы даже таких достойных людей. Но он все же остался в памяти старшего поколения мартучан. Они слышали, что был в 30-х годах такой набожный человек в поселке, читал книги на арабском языке и жил тем, что отпевал умерших – жил от поминков до поминков.

Почему я о нем пишу? Потому что уж он-то точно знал женщину по имени Амина, о которой ниже пойдет речь, которая волею судьбы тоже оказалась в моем Мартуке. Два человека из Казани не могли не встретиться в крошечном посёлке.

В интернете на ФБ у меня есть страничка, где помещен рассказ «Станция моего детства». И вдруг мне, опять же из-за упоминания о Мартуке, приходит письмо, которое, наверное, будет интересно многим – оно касается личной жизни Тукая. Привожу письмо без комментариев – точнее и яснее, чем там, не скажешь. Письмо проверено, перепроверено, проанализировано, нашлись и фотографии людей, о ком идет речь, и даже их могилы.

Рамиль Шерланов пишет:
«Эту удивительную историю рассказала мне моя бабушка (по маминной линии). Случилось это приблизительно в 1912 году. Жили они тогда в деревне Купербаш Арского уезда Казанской губернии. Отец (мой прадед) был зажиточным крестьянином, мать (моя прабабушка) – домохозяйкой. Прадед был набожным, образованным, строгим, но справедливым человеком. Наверное, поэтому был избран старостой деревни. У бабушки была старшая сестра, которую звали Амина. Она была очень красивой, скромной и трудолюбивой девушкой. Амина всегда помогала маме по хозяйству. В эту деревню часто приезжал из Казани известный поэт Габдулла Тукай. У него была чухотка, и последние годы жизни по рекомендации врачей лечился кумысом в Казахстане, а затем Татарстане. Кумыс кобылиц, которых содержал мой прадед, был самым лучшим в Казанской губернии. Амина всякий раз подавала Габдулле Тукаю чашу со свежим кумысом. Он пил кумыс, долго говорил с ней, при этом очень пристально смотрел на неё и, уходя, всегда благодарил её. Поэт

тогда был очень бледен и худ, но черты его лица оставались тонкими, красивыми. Он был достаточно прилично одет: на нём были тёмный сюртук, костюм с жилеткой и тубетейка. Поэт производил впечатление весьма аккуратного и скромного человека. Он был образован, умён, интересен. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Дело дошло до того, что однажды Габдулла Тукай попросил её руки у моего прадеда. Но прадед отказал ему: мол, за неустроенного человека дочь не отдаст.

В 1913 году в возрасте 27 лет Габдулла Тукай, так и не устроив свою семейную жизнь, умирает. А Амина после революции выходит замуж за красноармейца Багаутдинова и уезжает с ним в г. Мартук Актюбинской области Казахстана, где рождает ему двух дочерей. Сейчас в г. Мартуке живут её внуки, правнуки и праправнуки. Амина до конца своей жизни не забывала свою первую любовь – Габдулла Тукая, читала и перечитывала его стихотворения и тихо плакала. Моя бабушка говорила мне, что у Габдуллы Тукая есть стихотворение, которое поэт посвятил Амине.

Сейчас я живу в Нукусе (Каракалпакстане, Узбекистане). Фамилия Амины-апай (по мужу) и её двух дочерей (Фауззия-апай, Марзия-апай) – Багаутдиновы. Остались у Амины-апай внук Марат и внучка Гулькай. Они живут в Мартуке, внук Рустам и правнуки переехали на родину Амины-апай и живут в г. Арске. Фотографии Амины-апай у меня нет. Были у моей тётки (я их видел), но она (абыстай) их сожгла. Спрошу у жены моего дяди, может сохранились у неё. У меня фотография есть моей бабушки (младшей сестрёнки Амины-апай). Но, я думаю, в Мартуке у внуков есть фотографии самой Амины-апай и её дочерей.

Я являюсь внучатым племянником Амины-апай. Кстати, муфтий Усман Хазрет Исхакий – троюродный братишка моей мамы Самигуллиной Раисы Хисматуллаевны, а муфтий Талгат Тажутдин – её зять (женат на троюродной сестрёнке мамы). Мать Усмана-абый (поэтесса Рашида-апай) и теща Талгата-абый (Салима) – двоюродные сестрёнки моего дедушки Хисматуллы Самигулина. Их, сирот, воспитал старший брат моего деда мулла Захи-абый Самигуллин.

Девичья фамилия Амины-апай – Хабибуллина (она взяла фамилию своего мужа Багаутдинова). ФИО её отца (моего прадеда) – Давлетшин Хабибулла, ФИО её матери (моей прабабушки) – Галиуллина Махубзямал. После Октябрьской революции прадед был раскулачен, в 1918 году красноармейцы хотели его расстрелять (у них был мандат на его расстрел), вывели его в лес, зачитали приговор и уже хотели привести его в исполнение, но крестьяне деревни Купербаш встали рядом с ним: мол, убейте и нас, коль убиваете нашего кормильца. Прадеда не расстреляли. Забрали всё и оставили его многодетную семью (у него было 10 детей) голодать».

На снимке: ветераны Мартука в гостях у Рауля Мир-Хайдарова справа сидит фронтовик Адигам Ахмеджанов. 1993г. Мартук

Получив письмо от Р.Шерланова, в начале мая я отправился в Мартук, в надежде отыскать следы возлюбленной Г.Тукая. И мне это, как ни удивительно, удалось.

В архивах Мартука я быстро выяснил, что Рамиль Шерланов в чем-то сильно ошибался и что он не совсем полностью владеет информацией о жизни Амины-апай, потому что он представляет другую ветвь Хабибуллиных, Рамиль – внук Гульминисы-апай, младшей сестры Амины и он никогда лично не пересекался с

родней в Мартуке. Поэтому я должен указать на существенные неточности.

1. В Мартук Амина-апай прибыла с семьей не в 1918 году, а летом 1945 года после 8 лет скитаний по Казахстану и Узбекистану (о чем подробно написал другой внук Амины-апай Рустам Ахмеджанов).

2. Все дети Амины-апай родились не в Мартуке, а в Мендюше.

3. Первый муж Амины-апай не был красноармейцем. Красноармейцы как раз расстреляли его. Они же раскулачили отца Амины и чуть не расстреляли его. К счастью, его отбили жители Купербаша.

О Рамиле Шерланове. Он – внук младшей сестренки Амины-апай Гульминисы, которая общалась с Аминой до последних ее дней, часто бывала в Мартуке. Бабушка Рамиля Гульминиса-апай вышла замуж за Хисматуллу Самигуллину. Это род тех Самигуллиных, которые в последние 100 лет являлись высокими духовными лицами мусульман в Ташкенте, Алма-Ате, Казани, Уфе, Петербурге и других городах.

Нынешний муфтий мусульман России шейх Талгат Тажутдин женат на близкой родственнице Раисы-ханум – матери Рамиля Шерланова.

Почтенный муфтий Усман-хазрат Исхакий – троюродный брат матери Рамиля Шерланова.

А мать Усмана-хазрата Исхакий, Рашида-апай и ее сестра Салима (теща муфтия Талгата Тажутдина) – двоюродные сестры деда Рамиля Шерланова – Исмагуллы Самигуллину. Рашида и Салима остались сиротами, и воспитал их старший брат деда Рамиля мулла Загреддин Самигуллин.

Оказывается, тайна Тукая жила со мною рядом с первых шагов жизни в Мартуке. Я думаю, что появление Амины-апай и Хайруллы-абый летом 1945 года в Мартуке с тремя детьми, после долгих лет скитаний по Казахстану и Узбекистану, было неслучайным. Там жила сестра мужа Хайруллы – Майнур-апай. Выходит, мой Мартук для этой семьи стал последним прибежищем в скитаниях после расставания с Татарстаном.

Могилы Амины-апай и её мужа Хайруллы Багаутдинова нашлись. Амина-апай с 1945 года всю оставшуюся жизнь прожила в Мартуке и захоронена под девичьей фамилией – Хабибуллина. Уверен, что она хотела сохранить фамилию для нас, потомков. Этим, а также памятью и воспоминаниями о нем, она всю жизнь связывала себя с Тукаем. Я, без сомнения, много раз видел Амину-апай и Хайруллу-абый с раннего детства, в дни мусульманских праздников получал из её рук, которых касался Тукай, угощения: или беляш, или румяную плюшечку, или кусок пирога с красным творогом, а иногда и копеечку на кино.

Брат Амины-апай, Нурулла Хабибуллин, был женат с 1909 года на Бибисабири, дочери преуспевающего торго-

баше. Как тесно связаны судьбы названных здесь людей с аулом Купербаш, где много раз бывал Тукай!

Рамилю Шерланову я очень благодарен за его твердую убежденность в том, что Тукай связывали личные отношения с Аминой Хабибуллиной, он же обозначил мне четкие места пребывания Амины и Тукая в 1911-1912 годах. В результате моих поисков стало ясно, что старинный татарский аул Купербаш не был местом случайного пребывания Тукая, его туда тянуло, там он работал, лечился, и там жила Амина, он даже жил рядом в селе Училе, в доме муллы Кашфилабра с декабря 1911 года до марта 1912 года.

Я помню Амину-апай, вижу ее сквозь время, в ней я чувствовал природное

ся нищим – без света и без работы – до 1960 года, только тогда появились первые плоды освоения целинных земель в Казахстане. В те годы у нас в Мартуке, кроме милиции, был и уполномоченный НКВД, а впереди маячили голодные послевоенные годы. Какие тут могли быть разговоры о Тукае, о времени, когда они жили в достатке и были счастливы?! Такие беседы были бы губительны для молодых, да и в татарских традициях тех лет девушки не уведомляли о своих чувствах и личной жизни весь свет. И Тукай вряд ли кому признавался в своем неудачном сватовстве, хотя он чувствовал, как поэт, как мужчина, что он желанен этой девушке, и сердца их бьются в такт. Гордость поэта, гордость татарская

Внизу справа сидит Амина-апай. Вверху слева стоят: внучка Гулькай, муж Фауззии Адигам Ахмеджанов, дочь Фауззия, внук Марат. Фото 1960г. Мартук

благородство, аристократизм, такт, у неё была не мартукская речь, поведение, бытовые привычки, которые передались ее дочерям. Их, Марзию и Фауззию, я помню молодыми, они имели присущую Амине-апай самостоятельность не только в поведении, но и суждениях. Повторюсь, мы жили кучно, на мартукской Татарке, а Марзия-апай была каким-то начальником на предприятии, где работал мой отчим Исмагиль-абый, и бывала у нас дома не раз. То же самое я могу сказать о ее сестре Фаузие. Удивитесь, как глубоко жила в сестрах тяга к Татарстану, родным местам матери, они бывали там часто и всегда возили на родину Амину-апай. В конце 50-х и в 60-х годах XX века в Мендюше и Купербаше ещё были живы некоторые сверстницы Амины-апай, дальние и ближние ее родственницы, и там на скромных «девичьих» застольях нет-нет, да и всплывали воспоминания о Тукае, который часто бывал у Хабибуллиных. Наверное, ещё и потому Амина-апай с радостью посещала родные ее сердцу места. Сестры с матерью при жизни ухаживали за могилами своих родственников в Купербаше. После смерти Амины-апай ее старшая дочь Марзия, выйдя на пенсию, уехала доживать в родной аул Купербаш, желая быть похороненной на родине. Младшая дочь Амины Фауззия-апай умерла в Мартуке. Но она тоже завещала, чтобы ее похоронили на родовом кладбище. И ее сын, хирург Рустам Ахмеджанов, живущий в Арске, несмотря на лютую зиму и дальнюю дорогу перевез мать на родину и похоронил рядом с сестрой Марзией. У нас в Мартуке – полсела татары. Все они родом из-под Казани, но никто из них так не рвался на родину даже в старости. Для Амины-апай и ее дальней семьи, где уже есть и правнуки, родина и родной язык, родная земля не были пустым звуком. Пример ее семьи достоин памяти и уважения.

Конечно, сестры знали тайну матери, но узнали поздно, время было жестокое, немногословное, разговоры о своих родителях, об их статусе в буржуазном обществе, о высоких отношениях с поэтом из прошлого до ту суровое время могли обернуться бедой. Они, как люди образованные и много повидавшие, знали и видели грустные примеры судеб людей не из рабоче-крестьянской среды – в Мартуке мне все дни вспоминалась судьба великого Амирхана Еники.

Семья Амины, созданная в 1918 году, в селе Мендюш, в имении Камалиевых, попала в водоворот истории. Классовую ненависть они, как «враги народа», ощутили на себе так, что их правнуки помнят об этом до сих пор. Они потеряли капиталы родителей, собственность, землю, социальное положение, надежды на будущее. Семья Амины попала в наш нищий Мартук в 1945г., который оставал-

известна. Оттого история, связанная со знакомством семьи Хабибуллиных с Г.Тукаем, надолго – на целый век – оставалась и остаётся до сих пор семейной тайной многочисленного рода. Только случай заставил Рамиля Шерланова, увидевшего в интернете мой рассказ «Мартук – станция моего детства», обратиться ко мне с письмом. Я сразу понял из его эмоционального рассказа, что это и есть «Неизвестные страницы из жизни Г.Тукая в 1911-1912гг.», без которых биография нашего гения была бы неполной.

Встречи Амины-апай с Тукаем, беседы с ним, его подарки и внимание, сердечные признания – это дар Всевышнего ей на всю оставшуюся жизнь. Только эти, навсегда запечатленные в ее сердце воспоминания, дали Амине-апай силы выжить, вырастить детей, дать им образование и возможность приезжать с ними в Купербаш, посещать могилы близких и вспоминать только одно счастливое лето 1912 года, когда ее сердце было наполнено Тукаем, его поэзией и любовью.

В то сложное переломное время, длившееся почти тридцать лет, мало у кого была путеводная звезда в кромешном мраке революций, войн, преследования людей не только по идеологическим убеждениям, но и по социальному и имущественному статусу. А у Амины был Тукай. У нее не было желания делиться заветными воспоминаниями ни с кем, она жила с ними в обнимку всю жизнь, отсюда она и черпала силы, чтобы выжить, поднать детей. Только семье она открыла какие-то сведения уже в конце 60-х. Но подробности жизни знали только ее дочери.

– Да будет благословенно его имя, – говорила она часто своим дочерям, с которыми была в редкой духовной близости.

Слава Аллаху, что Амина и Хайрулла вообще смогли сохранить жизнь и продолжили род Хабибуллиных и Багаутдиновых. И все они, как один, оказались достойными людьми. Они живут в Ташкенте, Нукусе, Ашхабаде, Алматы, Чимкенте, Петербурге, Арске, Алтае, Уфе, Мартуке, Актюбинске, Казани.

Сегодня запоздало вспомнилось, что дочь Амины-апай Марзия очень нравилась моему дяде Рашиду, младшему брату моей матери, о нем у меня много страниц в романе «Ранняя печаль», но что-то у них не срослось. Жаль, а ведь я мог бы стать родственником Амины-апай... Вот в какое кольцо может иногда сворачиваться жизнь. И не случайно не к кому-нибудь, а именно ко мне пришла весть из счастливых дней для Амины-апай лета 1912 года. И это уже не мистика, это и моя судьба, связавшая меня с детства с фотографией Тукая из нашего волшебного сундука сандалового дерева.

Продолжение на 12 странице

ЭЛЬМИРА ШӘРИФУЛЛИНА

ЖЫРЛЫ БӘЙРӘМ

Әни теле – туган телем,
Туган телдә жырлыҡ әйдә.
Сүз берләшеп, бергәләшеп
Яшик фәкать жылы жәйдә.

Без пакьләргә һәм яқларга
Килдек газиз илебезне.
Изге эшләр нурлы кылсын
Безнең күңел күгебезне.

Азан моңы, иман нуры
Сеңсен зиһен-жаныбызга.
Жырлы бәйрәм булсын гомер,
Кушылығыз барығыз да!

Әти өе, әни көе
Изге булсын һәркем өчен.
Жан жылысы, жир жылысы
Бирсен безгә сихәт, көчен!

ӘКИЯТЛӘР ЯРАТАМ

Әкиятләр кызык була.
Әкияттә – батырлар:
Бар бит анда Ак аюлар,
Көчле Камыр батырлар.
Әкиятләр кызык була.
Әкияттә – шаяннар.
Йөгәрешә Жилаяқлар,
Чакмый торган Чаяннар.
Әкиятләр кызык була.
Әкиятләр – хәйләле,
Чөнки анда зирәк Былтыр,
Су анасы, Шүрәле...
Серле, кызык әкиятләрне
Тыңларга бик яратам.
Әкият сөйли дә әтием,
Шундук йокларга ятам.

Бәйрәм

Бәйрәм бүген, язгы бәйрәм!
Гөл-чәчәкләр — бәйләм-бәйләм.
Тып-тып тама тамчы-сәйлән,
Гөрләвекләр — әйлән-бәйлән.

Бәйрәм бүген, язгы бәйрәм!
Озынайды көннәр хәйран.
Күңелләрдә шатлык-сәйран,
Хозурланган башлар вәйран.

Бәйрәм бүген, язгы бәйрәм!
Бүләк өчен — энже-мәржән.
Әниләрне котлый һәркем,
Кыз-кыркынны — егет-мәргән!

Бәйрәм бүген, язгы бәйрәм!

БАЛТА ҺӘМ ПЫЧКЫ

Сарайдагы кораллар
Сөяләшеп торганда,
Гайрәтләнеп, масаеп
Телгә килде бер балта.

Имеш, балтадан башка
Салалмый кеше торак,
Челтерәп аккан чишмәгә
Ясый алмый ул улак.

Утыннарын яралмый,
Миченә дә ягалмый...
Имеш, авыл жирендә
Ансыз беркем торалмый.

– Тукта, – диде зур пычкы, –
Син көчлесең, син саллы.
Тик минем энже тешләр
Кисмәсә, балта нишләр?

Юан агач турарга
Син ничек чыдар идең?
Бер мичлек утын кискәнче,
Сабыңнан чыгар идең.

Су кебек үткен вә якты
Йөзкәең синең, балта,
Пычкы теше булыр иде,
Мин булышмасам башта.

ИПИ ПЕШӘ

Кичке авыл мичләрендә,
Утын яна эчләрендә:
Дөрли генә яркалары,
Сикерә ут алкалары,
Очып-очып китә шартлап,
Бадам тора мичне мактап,
Сырхау әбием терелә,
Йөзкәеннән нур түгелә.
Кинәндереп һәр күңелне,
(Мәшәкате дә күңелле),
Бар кайнарлыкны сендереп,
Ипи пешә бөтерелеп.

ХАП!..

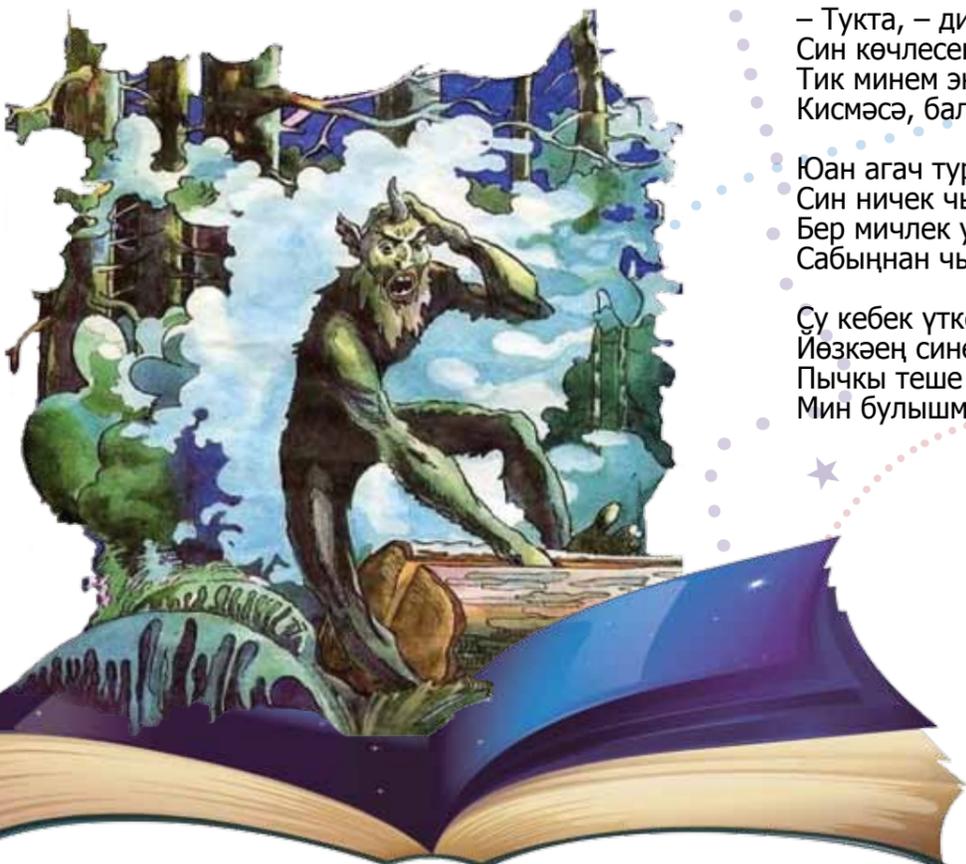
“Әйе һәм юк, димәскә,
Ак, карага тимәскә!..”

Тәртип шулай:
Димәскә!
Кешеләрдән көлмәскә,
Мин! – дип, күкрәк төймәскә,
Көче житмәс нәниләргә
Тау-тау йомыш өймәскә!
Шымчыга сер бирмәскә,
Юк-бар өчен көймәскә,
Азып-тузып йөрмәскә!..

Әтиеңнәр акча бирсә,
Нәрсә алыр идең, ә?

Ал альяпкыч алыр идем,
Билемә салыр идем,
Кышларны, язларны үтеп,
Жәемдә калыр идем.
Кызыл жиләк жыяр идем,
Чия, балан, сырғанак,
Очыртыр өченгә ерак,
Өзәр идем тузғанак...

Хап!..
Тотылдың бит, тотылдың,
Тузғанакның башы ак...

Ирек Гатин, почетный нефтяник России

Судьба Мутыгуллы Курамшина

Мне запомнилось с детских лет, что на одной из стен нашего дома в деревне Казанка, что в Оренбургской области, висела рама, где под стеклом были расположены небольшие фотографии родителей и родственников. Там были довоенные фотографии братьев моего отца Мутыгуллы и Мансура, брата матери Мухаммади в военной форме, а также фотография старшего брата Ашрафа 1925 г. р. Большинство мужчин из этих фотографий погибли в Великой Отечественной войне. Повезло моему отцу, который служил в инженерных войсках и, несмотря на контузию, вернулся живым.

В 1947 году начальная школа, где отец работал заведующим, была преобразована в неполную среднюю, т. е. семилетнюю школу. По направлению районного отдела народного образования в деревню Казанка тогда приехали учителя, которые стали преподавателями в старших классах. Школа была национальной и обучение, кроме русского языка и литературы, проходило на татарском языке. Директором школы был назначен коммунист Байбиков Сафиуллы, только что с отличием окончивший учительский институт в Бугуруслане. Моего отца перевели учителем татарского языка и литературы.

Учителя иногда приходили в наш дом к отцу, а учительницы ещё и к моей матери, когда узнали, что она является умелой портнихой и закройщицей. Она, имея швейную машинку «Зингер», шила им как новые платья, так перешивала и старые, придавая им современный вид. Среди них выделялась своей красотой молодая Фаттахова Зарима Сафиулловна. Зарима апа, когда бывала в нашем доме, всегда подходила к раме с фотографиями, словно видела там что-то необычное. Как-то она сказала моему отцу: «Среди вас, Абдулла абый, самым привлекательным был Мутыгулла!» Что на это ответил отец, я не помню. Я знал, что Мутыгуллы уже нет в живых, хотя о том, как он погиб, разговоров в нашей семье не было. На этой фотографии Мутыгулла был похож на моего отца, глаза его казались живыми и пылали огнём какой-то радости. Позднее мама мне сказала, что Мутыгулла был расстрелян в 1937 году за «султангалиевщину», и что он носил фамилию Курамшин, чтобы не навлесть беду на своих братьев.

Зарима Сафиулловна Фаттахова среди учащихся 7-го класса, д. Казанка, 1951 год

Во время функционирования в Казанке семилетней школы работали кружки художественной самодеятельности, а в сельском клубе силами учителей и деревенской молодёжи ставились спектакли. В частности, был поставлен спектакль «Галиябану», пользовавшийся успехом у сельчан. Роль Галиябану исполняла Зарима Фаттахова.

Зарима апа преподавала математику, проработала в нашей школе четыре года и запомнилась умением доходчиво объяснять уроки и требовательностью. Многие ученики вспоминали её с благодарностью за те знания, которые она в них вложила.

О судьбе Мутыгуллы я начал интересоваться и собирать о нём данные только в 1990 году, после того как в газете «Правда» мне попало постановление Комитета партийного контроля при ЦК КПСС о так называемой «султангалиевской контрреволюционной организации». В нём говорилось, что КПК при ЦК КПСС, принимая во внимание полную реабилитацию в судебном порядке и снятие политических обвинений, восстановил в партии Г.Г. Галева, А.М. Енбаева, М. Г. Курамшина, Г.Г. Мансурова, К.Г. Салимянова, М.Х. Султан-Галиева, С. Я. Умерова (всех посмертно).

Я очень обрадовался за своего дядю, но с горечью подумал, что мой отец так и не дождался реабилитации своего брата.

Мутыгулла родился 5 сентября 1904 г. в деревне Старо - Кульшарипово Султангуловской волости Самарской губернии в семье крестьянина-середняка Курамшина Гаты и его жены Кафии. Он был четвертым из шести детей в семье, пятеро из которых были мальчиками. То, что он стал Курамшиным Мутыком, произошло, очевидно, с введением после революции отчества и стало нелогичным формированием фамилии по имени отцов. В этом случае и фамилия, и отчество были одинаковыми (однокоренными). Поэтому ему сохранили фамилию по имени деда, а имя чуть подсократили, он стал Курамшиным Мутыком Гатаевичем.

После окончания пяти классов начальной училища в селе Старо - Мукменово Мутык Курамшин с сентября 1920 года стал студентом Оренбургского татарского института народного образования. 28 декабря 1922 г. Мутык принят в члены ячейки №12 РКСМ, был членом студенческого комитета. По заданию 1-го райкома КСМ Оренбурга работал вожатым, как боец ЧОН патрулировал улицы Оренбурга. Адресом его места жительства в Оренбурге указан: Гостинный двор № 32.

Сохранилась справка к аттестату за №987, выданная ТИНО от 13 июня 1925 года.

После завершения учебы Мутык Курамшин 11 июня 1925 г. получил направление Народного комиссариата просвещения в город Кустанай. Здесь он работает учителем и заведующим 2-й Татарской совшколой 1-й ступени.

26 сентября 1925 г. 1-й Кустанайской городской и районной конференцией ЛКСМ Мутык Курамшин избран членом объединённого городского и районного комитета РЛКСМ. Являлся также членом бюро молодёжной секции партийно-профессионального клуба.

28 сентября 1926 г. согласно закону об обязательной военной службе призван на военную службу и направлен в 5-й Туркестанский полк, где после годичной службы выдержал испытание на командира пулеметного взвода запаса.

Сохранилась характеристика, выданная: «т. Курамшину Мутыку, кандидату ВКП(б) ячейки партии при команде ЛВСО 5-го Туркестанского стрелкового полка.

Руководил кружковой работой в полк. школе и в клубе. К заданиям парторганизации относился хорошо и выполнял их аккуратно. Ориентировка в политических вопросах достаточная. Дисциплинирован. Партсобрания и партшколу посещал аккуратно. Может быть использован в политпросветработе. Утверждено общим партсобранием 10 октября 1927 г. Протокол 16».

Демобилизовался Мутык Курамшин в октябре 1927 года.

После демобилизации он приехал в Казань и 2 ноября 1927 г. принят на учет Казанским РВК и приписан к 1-му Татарскому стрелковому полку.

С 15 ноября 1927 г. работает инспектором в Свияжском, а с 1 марта по 14 июля 1928 г. в Нурлатском РОНО. Во время работы инспектором РОНО в Нурлате райисполком направлял его в сёла для разяснительной работы по улучшению хлебозаготовок.

С 01.09.1928 Мутык Курамшин студент татарского отделения Восточного педагогического института в г. Казани. Во время учебы жил на квартире по ул. Нариманова, 143, кв. 10 у Галиуллы Идрисова (сослуживца старшего брата Мутыка - Абдуллы).

В начале августа 1929 года вместе с группой студентов института был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации.

В журнале «Известия ЦК КПСС» №10 за октябрь 1990 г. в статье «О так называемой Султангалиевской контрреволюционной организации» написано, что по данному делу были арестованы в т. ч. и студенты Восточного педагогического института М. Курамшин, Х. Джагофаров (Ягофаров), Н. Еникеев и Х. Ширин. Они писали: «Татарский отдел ОГПУ обвиняет нас в султангалиевщине, нелегальной

контрреволюционной работе, в связи с какими-то зарубежными организациями, в агитации и пропаганде антисоветских идей...», тогда как Тат. ОГПУ отлично знает, что у нас никаких нелегальных работ не было, а также не было никакой агитации Султан-Галиевских идей. Ибо мы до своего ареста о султангалиевщине ничего не знали».

Однако 28 июля 1930 г. Мутык Курамшин был осужден на 5 лет за участие в контрреволюционной националистической организации Султан-Галиева. Отбывал наказание в Беломорско-Балтийских исправительных лагерях ОГПУ. Там он работал на строительстве канала.

Постановлением комиссии ОГПУ от 22 июля 1933 года «Мутык Курамшин за честную подлинно-ударную работу и в связи с завершением строительства Беломорско-Балтийского водного пути был досрочно освобождён». Ему выдали удостоверение, которым предоставили право свободного проживания в СССР без ограничений. На проезд ему выдали требование ф. №5 до ст. Оренбург, где он обязан был явиться на регистрацию в управление милиции и военкомат.

По дороге в г. Оренбург, Мутыгулла заехал к своему брату в Асекеево и в своё родное село Старо-Кульшарипово. В Асекеево он встречался со своим старшим братом Абдуллой. Мама говорила, что он со слезами на глазах рассказывал о своём пребывании в лагере и говорил, что у него нет уверенности, что его не арестуют вновь.

Приехав в Оренбург, он встал на учёт и устроился на работу. С 5 сентября 1933 по 20 февраля 1934 года работает техником в управлении Гидровод г. Оренбурга и уволился в связи с сокращением штатов. Затем Оренбургским обл. ОНО был направлен на работу в Павловское РОНО и с марта 1934 г. по сентябрь 1935 г. работает зав. Рычковской начальной школой (нацменской) Павловского района Оренбургской области, в т.ч. с 15.06. по 15.08.35 находился в очередном отпуске.

9 сентября 1935 г. Оренбургское обл. ОНО командует Курамшина Мутыка в Сакмарское РОНО в качестве преподавателя татарского языка в Верхне-Чебеньковскую татарскую неполную среднюю школу.

В Верхне-Чебеньковской школе Мутык Курамшин работает с сентября 1935 по июль 1937 года, т. е. два учебных года.

Далее приводится цитата из письма управления КГБ по Оренбургской области:

«Курамшин Мутык Гатаевич, 9 сентября 1904 г. рождения, уроженец с. Старо-Кульшарипово Асекеевского района Оренбургской области, б/партийн, татарин, образование - незаконченное высшее, до ареста работал преподавателем татарского языка, проживал с. Чебеньки Сакмарского района, холост.

2 июля 1937 г. органами УНКВД Оренбургской области арестован. 9 сентября 1937 года тройкой УНКВД Оренбургской области осужден по сфальсифицированным материалам якобы за участие в контрреволюционной националистической организации Султан-Галиева к ВМН - расстрелу, с конфискацией имущества. Имущество не конфисковалось за неимением такового. Место захоронения в архивных материалах не указано, но благодаря поисковой работе определено, что жертвы массовых репрессий 1937-1938 гг. захоронены в Зауральской роще г. Оренбурга. Это место по решению горисполкома объявлено городским кладбищем и там установлен памятный знак.

1 июня 1989 г. по заключению прокурора Оренбургской области Курамшин М. Г. реабилитирован. По нашей просьбе Вам пришлют справку о реабилитации Вашего дяди.

Направляем фото, относящееся ко времени ареста Курамшина М.Г. Примите наши искренние соболезнования.

С уважением, Начальник подразделения В. Г. Крюков».

В одном конверте с письмом управления КГБ по Оренбургской области была и справка прокуратуры Оренбургской области от 11.07.91 №13/615-89 о том, что «внесудебное решение от 9 сентября 1937 года в отношении Курамшина Мутыка Гатаевича отменено и он считается реабилитированным /посмертно/. Справка подписана прокурором области Б.В. Колокольцевым.

Этот материал я направил в Верхнечебеньковскую школу, где до своего ареста работал Курамшин Мутыгулла и получил ответ следующего содержания:

«Уважаемый Ирек Абдуллович! Мы, коллектив Верхнечебеньковской средней школы, получили Ваше письмо, т.е. документы, где прослеживается жизненный путь вашего дяди М. Г. Курамшина до его ареста в 1937 году.

Вы, просите сообщить: каким он был в годы работы с 1935 по 1937 год в нашей школе.

Учителей довоенного (да и 40-х годов XX столетия) времени, к сожалению, не осталось. Да и учеников того периода, кроме двух, трех глубоких старух, которые не помнят имен своих учителей, нет уже в живых.

Мутыгулла Курамшин (фотография из дела по обвинению)

Однако, к Вашему счастью, живет в селе единственный мужчина, сельчанин, участник войны Ишмухаметов Шафигулла, 1922 г.р., который учился у вашего дяди по татарскому языку и литературе.

Далее текст с его слов:

«Преподавал этот предмет Курамшин Мутыгулла Гатауллович (просил он обращаться к нему «Мутыгулла абый»). Штрихи из его жизни слишком скромные. Учитель выше среднего роста, немного морщинистого лица, скромный, но общительный. Во что он был одет, я не помню. Летом ходил в туфлях (штиблетях). Влился в коллектив сразу. Учителей тогда уважали.

В школе комсомольской ячейки не было. Где он состоял на учете, не знаю. На уроках рассказывал, объяснял доходчиво. Очень любил читать (наизусть) стихи Габдуллы Тукая. О нем мы тогда почти ничего не знали. После уроков организовывал различные игры.

Село наше, Верхние Чебеньки, расположено на левом берегу знаменитой реки Сакмара, которая у Оренбурга впадает в Урал. Рядом с селом густой лес. Так вот он, Мутыгулла абый, с учителем Бисеревым в свободное время пропадали (ходили) в лесу. На противоположном берегу реки, в 5 км от нас находится село Никольское. Так вот они с Бисеревым на лодке в базарный день переплывались туда... Любил он овощи. А там на базаре сколько хочешь: огурцы, помидоры. В наших татарских селах овощных культур не выращивали. Вот они на Никольской базаре их покупали и привозили домой.

В 1937 году исчез, то ли его вывезли куда, то ли увезли куда. Больше в селе не появлялся. С начала сентября 1937 года этот предмет стал вести учитель Дебердеев Хайрулла Исмагилович».

Материалы, присланные нам о Вашем дяде, Курамшине Мутыгулле Гатаулловиче займет достойное место в школьном краеведческом музее на стенде «Учителя старшего поколения довоенных и военных лет».

Материал подготовил Рашит Шарифович Искандаров, краевед, учитель-ветеран».

Следует, наверное, добавить, что подготовивший это письмо Искандаров Рашит Шарифович до пенсии работал директором школы и является автором ряда книг по истории, в т. ч. книги «Оренбургские татары».

Вглядываясь на фото времени ареста Мутыгулла абыя, я вспомнил его фото, которое, казалось, ещё недавно висело в нашем деревенском доме рядом с другими фотографиями. Вспомнил учительницу Зариму Сафиулловну Фаттахову, которой он нравился на этом фото.

Про Зарима апа я узнал, что она была дочерью директора школы из села Старосултангулово и после отъезда из нашей деревни работала в г. Чимша Башкирской Республики. Время неумолимо, и оказалось, что её уже нет в живых.

При размышлении о судьбе Мутыгулла абыя, мне вспомнились следующие строки из стихотворения поэта Зульфата (в моём переводе):

Больна страна? Когда же исцеленье?!
Надежда есть как будто, но пока
Мечты и имена вновь, как виденье,
Исчезнут снова. Снова на века...

И всего дороже мне ты...

Продолжение

Амина-апай со старшей дочерью Марзией.

Единственным близким родственником Амины-апай в Мартуке остался ее внук – Марат Ахмеджанов, 1951 года рождения. Марат не только подтвердил написанное Рамилем Шерлановым, но и многое добавил, уточнил, ведь он вырос на руках Амины-апай, своей бабушки.

Вот его дополнения: Амина-апай родилась в 1895 году – умерла в 1976г. На момент встречи с двадцатипятилетним Тукаем ей было 17 лет. Родилась и жила она в ауле Купербаш, приезжал туда Тукай на козье молоко. Приезжал Тукай туда много раз в 1911-1912 годах, потому что в ту пору он жил неподалеку от ее села, эти адреса биографам поэта известны.

Обе дочери, Марзия и Фаузия, лицом и статью пошли в мать: красивые, видные, это очевидно по многочисленным фотографиям. Они по тем временам, одевались стильно, это я хорошо запомнил в юности. Потому что Амина-апай прекрасно кроила и шила, у нее была швейная машинка, которую семья берегла как зеницу ока. Эта машинка и кормила их в Мартуке с 1945 года. Шила Амина-апай и для мужчин, и для женщин, шила новое и переделывала старые довоенные вещи – пальто, костюмы, брюки. Оттого ее знал весь Мартук, ее любили за трудолюбие, за безотказность, вкус, за бескорыстие. Шила она и в долг, и за продукты. Такой несгибаемой, работающей была в жизни возлюбленная Тукая.

Дочери Амины-апай, всю жизнь проработавшие в Мартуке, на исходе жизни вернулись в Купербаш, и обе похоронены на сельском кладбище.

В Арске на улице Красная слобода, д.50 живёт младший сын Фаузии – Рустам Ахмеджанов, 1964 года рождения, хирург по профессии. Он обошел в Купербаше и Мендюше всех старожиллов, дальних родственников Амины-апай и Хайруллы-абья, нашел фотографии. Главное, что в долгих беседах на родине бабушки он услышал отголосок тех давних событий, которые интересовали нас – о том, что Тукай приезжал в Купербаш не только из-за козьего молока, а потому, что был влюблен в красавицу Амину и имел на нее виды. Старожиллы говорили, что в нее невозможно было не влюбиться – столь хороша, умна, воспитана она была. В Арске у Рустама проживает и его отец, 96-летний Адигам-абый Ахмеджанов, фронтовик, первый зять Амины-апай. Адигам-абый потерял на войне руку, после войны закончил кооперативный техникум и всю жизнь проработал в Мартуке в райпотребсоюзе бухгалтером. Адигам-абый остался у меня в памяти тоже с детства, они жили на нашей улице, он знал мою маму, её сестёр, моего отца, с которым вместе ушли на фронт. Очень авторитетный в Мартуке был человек. В 90-х годах прошлого века я часто принимал Адигам-абья и его друзей, татарских и казахских аксакалов, в Мартуке, в доме своего брата, об этих встречах остались фотографии.

У меня есть письмо Рустама Ахмеджанова, второго внука Амины-апай, где он восполняет мои пробелы в жизни своей

бабушки. После его воспоминаний выстраивается окончательная и целостная картина истории, связанной с судьбой поэта. Привожу дословно:

«Жизнь моей бабушки Амины не была легкой и не могла быть легкой уже только потому, что она была дочерью раскулаченного. Вся ее жизнь после 1913 года прошла в испытаниях. Объяснять, почему в 1937 году семья Амины с четырьмя детьми спешно бежала из родных мест – отдельная печальная история, о которой стоило бы написать книгу. В изгнании она часто говорила своим дочерям – хорошо, что Тукай не застал эти годы страданий своего народа. По письму Рамиля Шерланова видно, как разросся наш род от Амины Хабибуллиной и Хайруллы Багаутдинова, и даже я не знал о всех родных бабушки по линии ее родной сестры Гульминисы и брата Нуруллы, а тем более по линии отца ее мужа Хайруллы. Но даже в Нукусе на другом конце СССР помнили историю Тукая и Амины-апай...

После смерти Тукая, в 1918 году бабушка выходит замуж за Асхадулла, старшего сына состоятельного человека, легендарного Камалиева Багаутдина из деревни Мендюш, память о нем до сих пор сохранилась среди коренных жителей деревни. Его внук – Мидхат Нуруллин, (племянник Амины) всем известный и уважаемый в Арском районе человек, рассказывал мне при жизни, что Багаутдин-бабай был высоким, физически очень сильным человеком, с мощной внутренней энергией. Рассказывал, как он мог взглядом свалить человека с ног, как затаскивал в гору телегу с дровами вместе с лошадей, когда у той не хватало сил самой подняться в гору, и еще многое другое. Но вновь трагедия. В Казанской губернии в 1918 году свирепствуют отряды продразверстки и так называемые комитеты бедняков, отнимая у зажиточных крестьян хлеб. Когда крестьяне отказались бесплатно сдавать зерно, в Арск поздней осенью 1918 года прибыл многочисленный отряд красноармейцев и жестоко подавил восстание крестьян, впоследствии названного вилочным мятежом (сэнэк сугышы). Был убит 31 крестьянин, в том числе и муж Амины – Асхадулла. В том же 1918 году были раскулачены и ее родители, а отец – Хабибулла чудом избежал расстрела. Этот брак моей бабушки оказался кратковременным и бездетным, они прожили всего четыре месяца! Однако тесть Амины – Багаутдин не захотел в это смутное время отпускать из семьи расторопную и трудолюбивую невестку Амину и, очевидно, по всеобщему согласию, женил на ней другого сына – Хайруллу. В Мендюше у них появляются на свет дети: в 1922г. – Марзия, в 1926 – моя мама Фаузия, в 1931 – Камиль, в 1937г. – Вагит. Вагит умер в возрасте 2-х лет. В сентябре 1936 года умирает Багаутдин-бабай, и в конце 30-х годов семья бабушки Амины уезжает из Татарстана. Начались годы скитаний и нужды на чужбине. В разные годы они жили в Узбекистане и Казахстане. В 1950 году она пережила смерть мужа, а чуть позже в Ташкенте в возрасте 21 года умирает и ее сын Камиль. Неожиданная смерть единственного сына явилась для нее тяжелой утратой. Бабушка Амина была необычайно позитивным человеком, с тонким чувством юмора и высоким интеллектом. Очень любила нас – своих внуков, но любовь ее досталась больше всего старшему из нас – Марату, именно ему она читала сказки Тукая, именно он листал нашу семейную реликвию – книгу сказок Тукая, подаренную бабушке, видел и держал в руках фотографию Тукая, к несчастью не сохранившуюся. Она была очень скромной женщиной, всю свою жизнь бережно хранила в сердце память о своей первой любви – любви к Тукаю. Чувства ее к Тукаю и история взаимоотношений не обсуждались и не афишировались за пределами семьи даже после смерти ее мужа. Разумеется, в тесном семейном кругу, зная о них, мы – внуки, расспрашивали об этой истории, на что она всегда, скромно улыбаясь рассказывала о том, как приходил к ним домой Тукай. Разумеется, уровень этих взаимоотношений мог быть только целомудренным, этим они и дороги. Всю свою жизнь она, как и ее дочери, с тоской вспоминали Татарстан и в глубине души мечтали когда-нибудь вернуться на родину. Надо ска-

зать, что Татарстан покинула и любимая сестренка Амины – Гульмениса, уехав в Ташкент. Выйдя замуж за Хисматуллу Самигуллина, она родила двух замечательных дочерей – Раузию, Ильсию и сына Ильгиза. Все Хабибуллины, Самигуллины и Багаутдиновы тесно общались и часто ездили в гости друг к другу, и в Ташкент, и Нукус, и Мартук, и Казань, и Купербаш, и Арск. К сожалению, мечтам бабушки Амины вернуться на родину не суждено было сбыться. Бабушка последние годы сильно болела, и летом 1976 года сердце ее тихо остановилось во сне. Похоронена она на мусульманском кладбище в Мартуке. Вот так и закончилась, полная драмы, жизнь моей бабушки Амины, а вместе с ней и история ее первой любви. Хочется выразить благодарность дочитавшим эту историю до конца и надежду на то, что все мы сможем бережнее относиться ко всему, что касается нашего великого поэта, в том числе и к его последней любви.

Рустам Ахмеджанов.

Я написал много остросюжетных политических романов, основанных на реальных фактах. Настолько реальных, что за первый роман «Пешие прогулки» на меня было совершено тяжелое покушение, я пробыл 28 дней в реанимации и остался инвалидом 2 группы. Тем, кто умеет сопоставлять факты, изучать документы, думать логически, удастся восстановить все до мельчайших деталей. К чему я это пишу? Потому что у меня есть опыт восстановления событий, тем более, я имею подробное письмо Рамиля Шерланова из Нукуса. Он представляет род Самигуллиных-Хабибуллиных, к которому принадлежала наша героиня Амина-ханум. Ее жизнь прослежена мною с 1912 года, когда она, по воле Аллаха, встретилась с Г.Тукаем, до ее последних дней в Мартуке по 1976 год.

Амина-апай прожила 81 год. Я обошел огромное мусульманское кладбище в Мартуке. По надгробным камням я понял, что людей, родившихся, как Амина-апай, в 1895 году и даже в начале 19 века, и проживших так же долго, как она – просто нет. К 1976 году, когда она умерла, из ее поколения до 60 лет дожили всего... три местных жителя. Отмечая столь феноменальный для того времени возраст Амины-апай, я думаю о высочайшей милости Всевышнего к ее судьбе: встретиться с Тукаем, прожить столь трудную жизнь в невыносимо жестокое время, выпавшее ей с юных лет, и при этом поднять детей, внуков и оставить после себя многочисленный и достойный уважения род.

После получения письма Рамиля Шерланова, я тут же поехал в Мартук и Актюбинск. Путь не близкий – полтора суток в дороге! Там я встретился со множеством людей, наговорил много часов по телефону с родственниками Амины-апай, живущими сейчас в разных концах постсоветского пространства. И все эти люди, даже потерявшие связь друг с другом и редко общающиеся между собой, помнили об этой истории или что-то слышали об Амине и Тукае. Такую трагическую историю столько людей сочинили и придумать не могли... Спасибо им за то, что они помнят историю своей семьи, любят и чтят свой род, своих предков.

Встретившись в Мартуке с внуком Амины-ханым Маратом, ознакомившись с письмом Рустама Ахмеджанова – второго внука нашей героини, который живет в Арске, побеседовав со многими людьми, имеющими хоть какое-то отношение к нашей истории, я решил опубликовать те собранные сведения, которые уже имел на это время. Зачем такая спешка? Нет, я не поспешил. Сейчас я понимаю, что сделал единственно верный ход в той ситуации. Только публикация могла расширить поле моих дальнейших поисков, дать новые отклики людей, что-то слышавших об этой истории. Заодно и ответу – почему, получив письмо Р.Шерланова, я не задумываясь (не смотря на то, что мне почти 80 лет и у меня, как у всех, и своих проблем воз и маленькая тележка), незамедлительно отправился в далекий Мартук. Семью и родственников Амины-апай, о которых писал мне Рамиль Шерланов, я хорошо знал. Я уважал их настолько, что даже не засомневался ни на секунду в подлинности изложенной мне истории любви

Амины и Тукая – такая у них высококонрастная семья. Моя безоговорочная вера в искренность и нравственность этой семьи, исторически связанной с Тукаем, объясняется одним лишь примером из моей собственной истории общения с ними. В середине 90-х годов XX века у меня начался бурный и счастливый «роман» с Казахстаном. В эти годы я стал Почетным гражданином Казахстана, был открыт музей в Мартуке, моим именем назвали улицу, дважды я становился в Актюбе «Человеком года». Меня постоянно приглашали на все государственные и местные мероприятия. Я встречался со студентами, школьниками, депутатами Маслихата, работниками спецслужб и МВД. Побывал во всех районах Актюбинской области – а их 13! Таких почестей удостоились не многие из писателей. Поэтому тогда я бывал на родине 3-4 раза в году, и в каждый из своих приездов я собирал в доме моего брата стариков-старожиллов Мартука. Некоторые из них знали моего отца, уходили с ним на фронт. Времена были непростые, и я видел, как аксакалы были рады этим встречам-застольям и тому, как их пригласили. В любом застолье есть «красный угол» – его всегда занимали зять Амины-апай Адигам-абый Ахмеджанов и его друг Абдулхак Темиров. Эти встречи продолжались лет 10-12, пока все они потихоньку не ушли из жизни, а Адигам-абый переехал в Арск к сыну, поближе к могиле жены – Фаузии-апай. Он жив и сегодня, ему 96 лет! Приглашать гостей я ездил лично, так заведено у тамошних татар. Конечно, у кого-то я задерживался на пять минут, а с Адигамом-абый беседовал иногда и по часу. Собирая дата своего музея альбом «Мартукские татары», я подолгу знакомился у них дома с фотографиями этой семьи за последние сто лет. Про многие фото между нами велись долгие разговоры и рассказы. Но даже зная, что я – писатель, ни Адигам-абый, ни Фаузия-апай за эти годы ни разу не обмолвились, что их семья хоть как-то связана с Тукаем. Для них это была святая семейная тайна! Это еще раз подтверждает нравственность семьи, глубокое уважение к Амине-апай, ибо это была ее тайна. И открылась эта тайна случайно, через сорок пять лет после смерти Амины-апай. Поведал о ней Р.Шерланов, внук Гульминисы-апай, младшей сестры Амины, живущий в далёком Нукусе. Почему – он объяснил сам во втором письме.

Решившись на публикацию, я знал, что получу разные мнения, на это и был сделан расчет. Первая публикация состоялась в журнале «Идель», и я очень благодарен его редактору Айсылу Хафизовой. Этот же текст печатался в «Литературной России». Руководство «Татмедиа» помогло опубликовать чуть более подробный текст в газете «Республика Татарстан». Все эти публикации дали плоды, на которые я и рассчитывал – пошли отклики, письма, советы, пожелания удачи от простых людей, которым дорог Тукай.

Интуиция в очередной раз не подвела меня – в ту же минуту, когда я прочитал первое письмо Р.Шерланова, я отметил для себя, что эта история должна быть обязательно каким-то образом отмечена в стихах поэта. Любовь – огромное событие в жизни каждого человека. Всевышний подарил и Тукаю в конце его короткой жизни встречу с любимой, и тот не мог не оставить об этом поэтический след. И чтобы не ошибиться в таком важном вопросе, я отправил знакомым поэтам письма, где просил внимательно посмотреть стихи Тукая с лета 1911 года по осень 1912 года – там наверняка есть воспоминание о Купербаше и лирические строки, носящие личностный характер.

Одной из первых откликнулась не равнодушный к судьбе своего народа, известный писатель и общественный деятель, историк Фаузия Байрамова. Она прислала мне и стихотворение Г.Тукая, подтверждающее, что поэт летом 1911 года, поздно возвращаясь из Казани, заплутал и переночевал в доме у одного агая. Ее ответ подтверждал факты, изложенные во втором письме Р.Шерланова (его я привожу ниже). И я нашел ключ, который открывал столетнюю тайну последней любви Поэта. Я был прав – встреча с юной Аминой не могла не оставить след в творчестве Тукая, и он не мог скрыть от нас, потомков, переполнявшее его чувство хотя бы косвенными строками. Так счастливо замкнулся круг моих изысканий. Привожу для вас и это стихотворение Тукая. Но я уверен, что существует и более лирическое его произведение той поры, где Поэт дает понять, что он влюблен и любим.

Среди многих вопросов к автору звучал и такой – много ли радости вызвало ваше

открытие среди писателей и читателей? Я вначале не обратил на него должного внимания, оценил его позже. Вопрос не праздный. По-настоящему обрадовалась и помогли мне: Фаузия Байрамова, Айрат Зарипов, Ренат Харис, Айсылу Хафизова и... Минтимер Шарипович Шаймиев.

Многие, обращавшиеся ко мне, сокрушались – если бы Амина-апай оставила какие-то записи! Отвечу – если бы она оставила свои воспоминания письменными, то это были бы претензии на что-то или это походило бы на женское тщеславие. Да и как она могла оставить записки – слишком юна она была для такого шага, время и татарское воспитание не давали ей примеров обращения с личными тайнами к обществу, истории. Да и позже она жила беда на беде, нужда на нужде, страх на страхе.

И эти письменные воспоминания, даже если бы и были, для меня не представляли бы никакого интереса. Но я уже писал, что знал ее с детства... Такие откровения были ей несвойственны. Для нее важно было лишь то, что она любила и была любима. Оттого я ввязался разгадывать тайну 100-летней давности.

В ту пору татарская женщина была иная – нравственная. Это сегодня татары и татарки другие – подают в суд на татарскую власть за то, что учит их детей бесплатно родному языку. Слава Аллаху, что Тукай такого даже и не предвидел!

Немилосердная судьба, злой рок не позволили им соединиться, а какая бы получилась семья! И мы могли бы увидеть продолжение рода нашего великого Поэта. Воистину – трагическая судьба, трагичней не придумаешь! Не сбылось ни у них, ни у нас...

Второе письмо-комментарий Р.Шерланова после публикации в журнале «Идель»:

«В своем письме писателю Раулю Мирхайдарову я почему-то не посчитал нужным упомянуть о первой встрече Г.Тукая с семьей Амины. А зря, это может оказаться ключом к раскрытию тайны. Ближе к ночи поэт возвращался из Казани в свой аул рядом с Купербашем, но по дороге в темноте заплутал и попал во двор местного богатея Хабибуллы Давлетшина. Стояла крошечная тьма, до электричества еще было далеко. В одиноком окне горела керосиновая лампа, он пошел на огонек и стал стучаться то в одну, то в другую дверь. Залаляли сторожевые собаки, и на шум выскочили с колымаги Хабибулла-абый с сыновьями – подумали, что ворюшка заглянул в сарай. Но внешний вид поэта и его речь успокоили хозяев. Тукая пригласили в дом за накрытый стол. Оказалось, что в этот вечер вся семья ходила в собственную баню. В застолье он впервые увидел Амину – семнадцатилетнюю красавицу. С этого дня он стал часто появляться в их доме, потому что семья Давлетшиных торговала кроме кумыса и козьим молоком. Но это, скорее, был повод, чтобы чаще бывать в этом доме и получать из рук Амины пиалу с целебным напитком. Кумысом торговали во многих домах Купербаша.

Хабибулла Давлетшин по тем временам считался зажиточным человеком, он имел сеть лавок и магазинов не только в казанской губернии, но и в самой Казани. У них были стада коров, табуны лошадей, много домашней птицы – благо, пруды рядом. Поэт приходил на свидания аккуратно одетым и сразу произвел впечатление на юную Амину. А сам Тукай, наверняка, влюбился в нее с первого взгляда. Он подарил Амине свою фотографию и две книги – «Шурале» и сборник своих стихов с теплыми пожеланиями. Эти книги и фотографию много раз держала в руках моя бабушка, младшая сестра Амины – Гульминиса. Тукай видел взаимное чувство Амины и попросил руки девушки у ее отца. Но Хабибулла Давлетшин отказал ему, мотивируя тем, что не может отдать любимую дочь человеку, у которого нет ни кола, ни двора. Увы, в то время ни артисты, ни поэты не были в чести у людей состоятельных. А может быть, у Хабибуллы были и другие причины для отказа.

Хотел бы сказать, что моя бабушка Гульминиса Хабибуллина – младшая сестра Амины и ее дети Раиса (моя мама), Ильсия (моя тетя) и Ильгиз (мой дядя) – они все есть на фотографиях и часто бывали в Мартуке у Амины-апай. Они были очень набожными и честными людьми. Все, что я написал, я слышал из их уст. Я остался единственным связующим звеном между рассказами моей бабушки в нашей семье и внешним миром. Я не имел никаких корыстных целей, обращаясь к писателю с историей нашей семьи. Я просто не хочу уносить тайну нашего гения с собой в могилу».

Комментарии Фаузии Байрамовой к публикации «Последняя любовь поэта»:

«Я была потрясена, прочитав статью Рауля Мирхайдарова «Последняя любовь поэта!» Столько информации, столько поиска, столько воспоминаний, связанных с судьбой народа! И во главе этой истории сам Тукай... Конечно, любовь Тукая к девушке по имени Амина, даже сватовство – новая информация, возможно даже, что наша общественность и не воспримет ее. Сам Тукай про это не оставил никаких откровенных записей, также и исследователи жизни Тукая ничего не пишут про последнюю любовь поэта. Все это лишь раскрывается со слов, воспоминаний внуков, родственников Амины. Но если взглянуть на историю, все эти события, возможно могли иметь место, так как в биографии Тукая известны такие факты, что он в 1912-13 годы приезжал в родное село Амины Купербаш проездом через село Училе. Училе – это не обычная деревня, это та местность, где начинаются истоки рода со стороны матери Габдуллы Тукая. Здесь жил и был имамом дедушка Тукая Зиннатулла, его мама Мамдуда родилась в этой же деревне в 1866 году. После смерти мужа Мухамматгарифа Мамдуда с маленьким сыном из Кушлявыча вернулась снова в деревню Училе. Детство Тукая прошло в этой деревне, и в конце жизни, чтобы набрать сил, он приехал в родное село матери Училе...

Габдулла Тукай жил в Училе в доме муллы Кашифилабаева с декабря 1911 года до марта 1912 года, и здесь ему оказали большое почтение. Тукай в Училе написал более десяти стихотворений, среди них особенно известны такие стихи, как «Вечернее пожелание», «Сельское медресе», «Хворать в деревне».

Если ехать из Казани через Арск, то Училе находится дальше, чем Купербаш, между ними расстояние около 9-10 км.

Возвращаясь в Училе, Тукай, видимо, заезжал в Купербаш, чтобы переночевать, так как в своем стихотворении «Бойтись даже звезды», написанном в 1912 г., он говорит следующее: «При возвращении в деревню свою остановился я в одном чужом мне селе. Была ночь, я напросился у дяденьки одного на ночлег в тепле».

Возможно, это был Купербаш и он там увидел Амину. А затем он мог приезжать туда под предлогом «купить козье молоко», ведь молодой же парень! Если Тукай и был влюблен в самом деле, то это должно было как-то отразиться в его творчестве, поэт не смог бы не написать об этом (он же в Училе писал не только о деревне, картошке и медресе!) Кроме того, у Тукая есть стихотворение о любви, написанное в 1912 г. Стих называется «Что же еще надо?» В скобках написано (Экспромт). Вот этот стих:

Твои сережки из чистого бриллианта, -
Душа моя, чего же еще надо?
Из всего дороже ты мне! –
Душа моя, чего же еще надо?
Ты моя желанная, тебе моя хвала, -
Душа моя, чего же еще надо?
Ты же моя жизнь, ты - моя смерть, -
Милая моя, чего же еще надо?

Значит, Тукай называет свою возлюбленную и жизнью, и смертью, то есть ему жить без нее, подобно смерти. Возможно, безответную любовь он уподобляет смерти... Слова из строк «Из всего дороже ты мне!» понятно выражают его любовь. А были ли известно девушке эти строки, вырвавшиеся из сердца поэта? И в самом деле, была ли это Амина? Наверное, она знала об этом, так как Тукай не мог не преподнести этот стих любимой девушке, даже таким образом, что то, что он не мог произнести напрямую в словах, он объяснил в стихах. Поэтому эта девушка, в данном случае, допустим, Амина, свои чистые чувства о Тукае хранила всю жизнь и впоследствии рассказала, передала своим потомкам...

Я не могу утверждать, что Тукай это стихотворение посвятил Амине, девушке из Купербаш, но и не могу отрицать эту информацию.

Как жаль, что Амина апа сама не оставила об этом никакой записи, видимо, как это характерно для татарских женщин, она смутилась поделиться со всем миром воспоминаниями о любви своей молодости, также возможно она подумала, что никто не поверит. Но как бы то ни было, сама судьба Амины апы - это потрясающая история, величественная, трагическая жизнь, повторяющая судьбу нации. И эта история, я думаю, имеет право выйти в свет рядом с именем Тукая. Мирхайдарову Раулю Мирсаидовичу выражаю огромную благодарность за то, что сумел со dna истории достать,

исучить, исследовать интересные факты из жизни этих выдающихся личностей и вернуть их народу!

Фаузия Байрамова,
писатель, кандидат исторических наук.
2018 год, 4 декабря».

Осталась не до конца проверенной часть биографии рода Багаутдиновых-Самигуллиных, но я обязательно вернусь к ним, поскольку в этих семьях, возможно, сохранились письма, где упоминается эта история. Я уж не говорю о фотографиях, которые хранятся у них, они будут даже более серьезным подтверждением версии последних лет жизни Поэта. Я не стал делать это сознательно. Я доверяю тому, о чем так искренно и эмоционально написал доктор Рамиль Шерланов, и то, что написал Рустам Ахмеджанов. В Уфе живет муфтий Талгат Тажутдин, который через свою супругу породнился с родом Самигуллиных-Хабибуллиных-Багаутдиновых, надеюсь на встречу с ним. А в Казани, в Средней Азии, Казахстане, да и в новой России ныне живут и работают Самигуллины – внуки муллы Загреддина Самигуллина – духовные лидеры мусульман. А сам Загреддин Самигуллин – дед Рамиля Шерланова.

Очень рад, что благодаря своему рассказу «Станция моего детства» о Мартуке, я открыл неизвестные страницы из жизни величайшего татарского поэта, основоположника современной татарской литературы.

Воистину, пути Аллаха неисповедимы. Думаю, что только ради обнаружения этой любовной истории, связанной с Тукаем, мне стоило стать писателем, чтобы через 106 лет донести неизвестные факты из его жизни татарскому народу.

Среди многих обращений ко мне: писем, телефонных разговоров, личных встреч, – нередко задавался один и тот же вопрос в разных вариантах, в разной тональности:

«Зачем ломать сложившуюся, хрестоматийную биографию поэта? Что меняется в его судьбе и биографии после вашего открытия, если он не женился на прелестной Амине, не оставил семью и детей, продолжателей своего рода? Зачем ворошить столетней давности могилы? Что дает вам ваше открытие?»

Приступая к исследованию жизни поэта девять месяцев назад, я и не рассчитывал, что найду какие-то свидетельства, и не только потому, что прошло 106 лет. Тукай встретил Амину уже больным, и здоровье его слабело день ото дня. Наверное, он и до встречи с девушкой уже чувствовал свой близкий исход. Двадцатипятилетний Поэт, тончайшей души человек, лирик, дотошный аналитик жизни своего народа, наверняка, страдал от того, что был лишен девичьего внимания, не имел ответных чувств от своей единственной в жизни любви – Зайтуны Мавлюдовой.

Тукай знал все о своей болезни, в то время туберкулез косил людей беспощадно. И уходить из жизни, не познав ответной любви, ему было печально, обидно и незаслуженно. И вдрог – Амина! Ей – семнадцать, ему – двадцать пять! Наверное, когда он глядел ей в глаза, слышал ее голос, у него расправлялись крылья, и он забывал, не думал о своей болезни. Вот какую свободу, надежду, полет дала ему случайная встреча, когда он, заплутав в дороге, забрел в дом Хабибуллы Давлетшина. Я жалею, что не до тонкостей знаю родной язык. Я бы сам обязательно нашёл этот эмоциональный всплеск в его работах 1911-1912 годов. Обязательно нашел бы. Я знаю, уверен, что такие следы есть. Ведь рассказ Р.Шерланова во втором письме о том, как Тукай впервые увидел Амину, уже подтвержден стихотворением 1912 года, которое мне прислала глубокоуважаемая Фаузия Байрамова. Какие еще нужны подтверждения?! Тукай не был бродягой и пьяницей, чтобы просить часто к кому-то на ночлег. И это – единственный случай за всю его короткую жизнь, когда он, заплутав, в чужом доме нашел свою последнюю любовь. Это событие он отразил в стихотворении «Бойтись даже звезды». Оно и подтверждает подлинность истории, подкрепленной стихами самого Тукая. То, что он заблудился и переночевал в доме какого-то агая – разве это серьезный повод для известного поэта, чтобы объявить об этом народу и оставить след на века? Нет, конечно, не повод. Но он написал это стихотворение. В стихотворении «Бойтись даже звезды» Тукай не указал, у кого переночевал, скажем прямо, даже скрыл «у какого-то агая», хотя попал в дом, точно знал, что это имение Хайруллы Давлетшина. Скрыл, завуалировал строкой «у какого-то агая», чтобы

не объяснять, почему стал ходить на кумыс только туда, где жила Амина, т.е. в дом «у какого-то агая», у которого есть имя и фамилия. Я считаю, что это и есть то самое письменное свидетельство Тукая, которое ждет от меня читатель. И ещё один весомый аргумент. Зачем же, если Тукай заночевал «у какого-то агая», он продолжал ходить туда почти ежедневно на козье молоко? Как известно, козьим молоком и кумысом в Купербаше торговали не одни Давлетшины. Конечно, он ходил туда только из-за Амины.

За эти девять месяцев поисков истины я просмотрел работы многих тукаеведов. Не буду наводить «тень на чужой плетень», т.е. указывать поименно авторов, но там тоже многое не имеет «гербовой печати» и не заверено Тукаем и тоже требует документального подтверждения. Я уверен, что Тукай специально оставил адрес своей любимой для нас, потомков, чтобы мы благодаря этому дому узнали об Амине.

И второе стихотворение 1912 года с откровенным, мастерски зашифрованным признанием «Чего же ещё надо?», с припиской «Экспромт» – это и есть скрытое послание нам о его последней любви. Судя по дате написания, это были не лучшие дни здоровья поэта, но с какой радостью, восторгом, изысканством написано это стихотворение. Такое на краю жизни мог написать только влюбленный поэт. Но, чтобы понять это, надо любить Тукая и хорошо знать творчество нашего гениального соплеменника.

Я считаю главным своим открытием только то, что он ушел из жизни не в глубокой печали, потому что хоть в конце жизни Всевышний явил ему свою милость – он любил и был любим...

Тому, что Тукай не оставил четких упоминаний о своей влюбленности в Амину и о том, что посватался, но получил отказ от ее отца – есть логическое объяснение. Поставьте себя на место двадцатипятилетнего поэта, влюбленного и получившего отказ – оставите вы признание о своем поражении, о своей неудаче? Нет, конечно. Поэтому искать эти откровения бессмысленно. Достаточно того, что он обозначил дом Амины, где случайно заночевал. Я уже не говорю о стихотворении «Экспромт» – скрытом признании во влюбленности...

Камень на могиле Амины-апай Хабибуллиной. Снято 17 мая 2018г. в Мартуке Раулем Мир-Хайдаровым.

Мне уже почти 80 лет, и многие мои друзья и близкие уже в «иных садах». И паромщик Харон уже поджидает меня на переправе в те «сады», где один меня ждут. Сегодня к ним присоединится и Г.Тукай, наверное, он первый скажет – спасибо, дорогой, что открыл миру и народу историю последней в моей жизни любви – Амину...

В 1961 году в возрасте 24 лет умерла моя сестра Саня от той же болезни, что и Тукай. Как рассказывала мама, последние три дня, не приходя в сознание, в горячке она звала по имени только своего жениха. Не вспомнила ни мать, ни погибшего отца, ни меня, которого очень любила. Поэтому я твердо знаю, чье имя повторял Поэт с мысленной улыбкой на смертном одре – она звалась Аминой...

Ахат Гаффар

Поутру Нурулла Дияров сидел на сходнях веранды. Увидев отца, который вошёл через калитку сада во двор, держа нож и двух только что зарезанных молодых петушков, он отвернулся. Однако успел заметить, как две тяжёлые капли крови упали на гладкий и чистый камень под калиткой.

— Сидишь, сынок? — спросил отец. Он не ответил. Отодвинулся, чтоб пропустить его.

Отец Шаих прошёл на веранду. Нурулла услышал, как петушки мягко шлёпнулись на пол. Отец ненадолго исчез в доме, а, появившись, подсел к сыну.

— Закурим? — предложил он.

— Нет еще, — сказал Нурулла.

Отец погладил ладонью вымытую доску ступеньки и сказал:

— Тепло тут.

— Оказывается, осень у вас нынче хороша.

Неожиданное замечание сына затронуло сердце Шаиха. В него как бы пала льдинка. Осень в родной деревне — «оказывается», а для меня она — воочию, подумал Шаих.

И в самом деле: стоял солнечный день, а на душе стало тревожно.

Казалось, только вечером всё было хорошо, даже радостно ему. И его жене Сание вовсе не хотелось отделиться от этого чувства занавеской сна. А теперь вот навалилась неопределённая, накопившаяся день ото дня тоска при мысли: что же будет с сыном в дальнейшем? Вроде бы ничего уже, так сказать, ни убавить, ни прибавить: то, что случилось — случилось. И всё же, утешил Шаих себя, могло быть куда хуже. Да так худо, что...

Об остальном, о том, что находилось за чертой возможного худшего, он не думал и готовился принимать мир таким, каким он был сейчас.

— Ага, сынок. Осень ничего. Всего в достатке.

Верно, Шаих не преувеличивал. Грех жаловаться. Самое главное — сын-то жив-здоров, слава Аллаху. Что может быть лучше, когда дом полон теми, кто там родился и должен жить?

— А картошка, оказывается, не уродилась. Я взглянул было в окоп, — сказал Нурулла и осёкся: отец резко отдернул ладонь с доски и положил на колено. — Ну, погреб, погреб! — поправился Нурулла.

Шаих заметил, как сын насторожился, и опустил руку на прежнее место. Но ладонь ощутила уже не тепло. Доска на миг показалась колючей, как бы прихваченной инеем утренним.

— До нового года хва-а-тит — протянул Шаих. — На убой — двухгодовалый бычок, четыре овцы. Прибавь два гнезда гусей, полтора десятка. Добавь ещё кур да цыплят. На свадьбу хватит с лишком, — покосился он на сына.

— Свадьбу? — спросил Нурулла.

— Чего мозги наморщил? Куй железо, пока горячо, сам я после армии недолго в холостяках гулял.

— То же ты...

— А тебе что — не хватает чего?

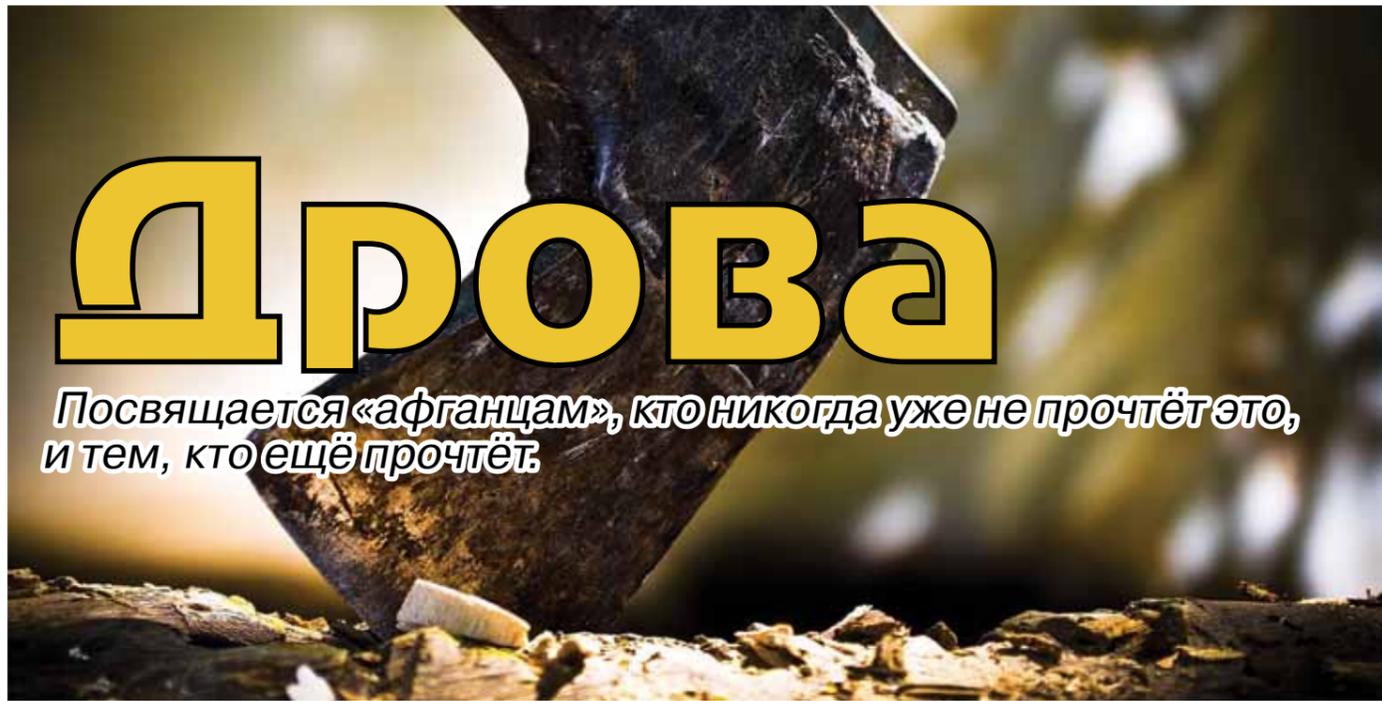
— Чуть-чуть.

Подул ветерок. Нурулла съёжился, будто подлаживаясь под ставший маловатым пиджак, правой рукой поправил левый рукав, засунул его в согнутые колени.

— Заявится ещё, — сказал Шаих. — Точно. Тамобразишь, что хватает и что не хватает... Она у тебя такая — как бы не слазить ненароком.

Догадался? Ага, о Миннурии. Я толкую, куда она денется? Её-то мы не упустим. Это точно. Дом — что футбольное поле. Вон ядрёную баню справили.

Новый порыв ветра погнал по двору тополиные и яблоневые опадыши. Сквозь их шуршания Шаих отчётливо услышал, как сын проскрежетал зубами. В то же время ветер не смог скрыть от Нуруллы тяжёлый отцовский вздох.

— Ладно, сынок. Я покажусь там, возле трактора, — сказал он.

Испугавшись того, что встанет тяжело, Шаих пока лишь пошевелился. Словно расположился поудобнее. И вынул из кармана брюк примятую пачку сигарет, но засунул её обратно. — Ну-ка, сынок, достань курево. Твои покруче, кажись.

Нурулла привалился на бок и, нащупав правый карман пиджака, вынул картонную пачку, встряхнул её резко. Пока отец вытягивал сигарету за выскочивший конец фильтра и помял её, он успел зажечь зажималку, отложив пачку на перила.

— И сам бы затянулся. Глянь, душа успокоится, — сказал Шаих.

— Ладно, — согласился Нурулла.

«Утешь, утешь» — хотел он добавить, но сдержался. Он ещё молод — его отец. Всего-то сорок один ему стукнуло. Знает только то, что знает.

Отец и сын замолчали, думая каждый о своём.

— Мать придёт с фермы. Птицу она чистит умеючи.

— Нет ли тут какого дела для меня? — спросил Нурулла.

— Какое дело, какое дело?! Отдохни вволю... Ага!

— А пить можно?

— Только того... не захмели. Сестричек напугаешь.

— А ты?

— Я прихвачу мужичкам. Там видно будет.

Шаих оглянулся на своего сына, когда выходил в малые ворота. Он хорошо знал, каким был в прошлом Нурулла, но плохо пока представлял, каким он станет в будущем.

Оставшись наедине, Нурулла прислушался к шороху листьев. И тех, что ещё висели напоследок на ветках, и тех, что осыпались уже после того, как его отец подмёл спозаранку двор. Сосредоточенно оглядел двор и затаённые уголки его, искал какую-нибудь работу, по которой тосковали его рука и душа. Всё было в порядке, да без него. Постройки крепкие. Веранда вымыта. Над навесом стоял опрятный стог сена, прикрытый соломой от дождя и придавленный слегами от ветра. Наколотые дрова ровно уложены под строжой бани... Да, всё без него. Его ждали. Но, видно было во всём, ждали именно таким, каким ждали.

Он не сдюжил, прошёл в дом, выпил водки, хрумкнул солёным огурцом. Вышел на сходни и закурил. Тут его беспокойный взор упёрся в десяток дубовых поленьев, нагромождённые поверх дров в дальнем верхнем углу — впритык к глухой стороне четырёхстолбных ворот. Под ними приютились чурбан для колки дров, видимо, надолго отложенный. «Ну-ка, расколю», — подумал он. А душа востропала, словно учувший мышку кот. Зажигалку сигарету плевком, он осторожно направился к тому углу, почему-то как бы с украдкой оглядываясь по сторонам. Знал со вчерашнего дня, что колун и топор находились в предбаннике. Потянулся было к грубому топоричу калуна, а вспомнив, как придётся им колоты, взял топор. Испытательно посмотрел на его острие, остался недоволен. Топор был хорошо наточен, поэтому не очень пригож для колки дров: лезвие вьётся в древесину, не разжимая волокна. А это потребует последующих лишних ударов.

Скинув пиджак с плеча на козлы, он выкатил чурбан на простор и поставил на него первое полено. Плюнув на ладонь, протёр пальцы для цепкости и взялся за

топорище. Вбил топор и, приладив полено к плечу, перевернул его и коротким взмахом ударил обухом о чурбан.

Полено треснуло после второго удара, а расколосось надвое после третьего. Половинки его на миг застыли и глухо упали оземь, красиво отливаясь на солнце жёлто-коричневыми прожилками по годовым кольцам.

Преисполненный воспоминанием своей былой силы и началом ощущения настоящего своего умения, он с удовольствием, излишней щепетильностью наколот, измелчал его на аккуратные дрова. Потом поставил на следующее, с мощным сучком полено, но распилённое покороче, чтоб легче было расколоть. Однако он осилил его только пятью разносильными ударами.

Расколов же третье и не в силах оторвать взгляд от кучи дров, он присел на чурбан, покурить. Свежий с кислицей запах дерева, вперемешку с запахом высыхающих опадшей, не заглушал даже сигаретный дымок. Спокойная услада заволокла его, он почувствовал, душу. Намокая потом солдатская рубашка приятно остужала разгорячённое его тело. Он почувствовал, как по выемке ослабшей груди катились капли пота. А те, что выступили на лбу и щипали глаза, он протёр правым рукавом.

«Мать обрадуется, — представил он, прищурив глаза и сощёлкнув с сигареты пепел. — А отец? Наверное, и сестрички-школьницы...»

«А как быть мне самому? Обрадоваться ли? Что сам скажешь?» — подумал он.

Он не искал ответа. Заново взялся за топор и в тот момент, когда, точно прицелившись, занёс его над своей головой, он услышал сзади как его окликнули, тихо и мирно:

— Нурулла...

Сразу же узнав, кто именно кличет, он опустил топор.

— Это ты? — спросил он.

— Здравствуй! — сказала она.

— Здравствуй, — ответил он.

— Ты меня ждал? Вчера.

— Да.

— Не смогла я. Дежурила. У нас одна родила из Салтани. С трудом таким.

— Покидать пост нельзя.

— Ну, повернись же! — сказала она.

Его обдало холодом, когда она прикоснулась сзади к его плечу.

Он обернулся к ней. Как же не обернёшься перед Миннурией. Она же — Миннурия!

«Я — Нурулла. Она — Миннурия. Два имени — одна судьба», — подумал он.

— Приехал?

— Отпустили.

На этот раз холод пронзил его спереди.

— Раз приехал... почему же так?

— Как? — спросил он. — Не обнимаешь... что ли.

— Рука вот... занята.

— Отложи.

— Что?

— Топор.

Нурулла, не торопясь, плашмя положил топор на чурбан. И всё равно не осмелел обнять девушку, хотя и рука освободилась.

— Ты забыл, — сказала Миннурия.

— Не забыл.

— Тогда почему?

— Забыл.

— А я не забыла.

И Миннурия, сомкнув веки, потянулась к его губам. Словно вспомнив своё имя, невесть почему позабытое, он припом-

нил привкус поцелуя и почувствовал себя её пленником. Нечто такое случилось тогда, когда он до армии провожал вечерами Миннурию до ихних ворот. Накоротко, несмело. Не успевая осознать в полной мере всю полноту сего, осознав это лишь как возможный миг счастья — как вечность.

Всё это нахлынуло на него как сон. Забытый однако. Казалось, сладко прилёгши после тяжёлой работы на прохладную траву на тёплой ещё земле. Он протянул левую руку, почувствовал, что к чему-то прикоснулся, и приметил, что сладко и телу и душе одновременно, так же, когда он касался к тёплому комочку земли, с той лишь разницей, что теперь он как бы ощутил желание сжимать в ладони тот комочек, память его. Однако комочек не сдавался, более того, скользил, точно мокрый, и выпадал из ладони. По крайней мере, так ему чудилось.

Действительно, Миннурия сопротивляясь, отстранилась, отчуждала и отдаляла своё тело от его левой руки. Что-то не соответствовало её переживаниям. Он отстранился от неё. Направил взор вниз, будто застыдившись чего-то, и с ужасом обнаружил, как и чем он гладил её голубое платье под белым, расстёгнутым халатом. Их встреча покорежилась и почернела, будто берёзовая береста, брошенная на костёр. Он, оказывается, погладил её той частью своей левой руки, которая осталась лежать на чужой земле.

Нурулла отскочил в сторону на полшага, спрятал руку в длинный рукав, взмахнув им, отвернулся. И крикнул так, как тогда, когда он то ли застал, то ли всего лишь успел подумать «Мама!», накрытый взрывом противопехотной мины недалеко от Кандагара.

— Уходи, — сказал он.

— Зачем? — спросила она.

— Уходи, — повторил он.

— Нурулла!..

«Я — Нурулла, она — Миннурия. Одно имя, но уже две судьбы!»

— Уходи-и-и...

Двор заглох, точно ночной госпиталь. И, подобно занимавшейся заре, послышался тихий голос Миннурии:

— Ещё раз повторись, Нурулла?

— Уйди, Миннурия! — выпалил он.

Листья на деревьях так же размеренно шумели. А те, что на земле, молчали. Будто до них донесли глубокие их дыхания.

Вдруг Нурулла весь подобрался и сник, словно сжался в камения, руками закрыв уши. Он услышал напоминающий взрыв запала гранаты звук. Казалось, на него летела граната, звякнув, точно чёрный дрозд, из-за камней. Он открыл рот и задержал вздох. Переждав четыре секунды, опустил руки, приподнялся, пошарил блуждающим взором двор, потом выпрямился и, повернув голову, посмотрел назад. Глаза упёрлись в одну точку. Он увидел приткнутый на чурбан углом лезвия топор, а под ней — самый кончик мизинца. Он зажмурился. Спазм перерхватил дыхание, стошнило, во рту появился ржавый вкус. И тут же он открыл глаза. Миннурия стояла, прижав правой ладонью левую, а там тонко струилась алая кровь и заметно расширилась на манжете её белого халата...

Миннурия закусилась нижней губой и, отпустив её, промолвила тихим, грудным голосом:

— Отныне... после каждого твоего «уходи»... я повторю это ещё четырежды...

Сажида Сулейманова

(1926-1980)

Подснежник

Еще навалом снег повсюду
И сон черемухи глубок,
Но в полный рост, подобно чуду,
Встал меж сугробами цветов.

Подснежник белый, хрупкий,
нежный.
И я представить не могу,
Как, сквозь покров пробившись
снежный,
Он распустился на снегу.

Завидна все же участь эта.
Пусть жить ему немного дней,
Но он самой весны примета —
Он первый возвестил о ней!

1958г.

Перевод Алексея Кафанова

Ветер ли вздыхает?
Или тополь шепчет?
Как сгустились звуки,
как напрягся слух!
Иль на волжский берег,
Словно легкий жемчуг,
Выбросило гальку
Из пучины вдруг?

Что? Тоска ли это
Налегла на плечи?
Идет душа — ответа.
И с недавних пор
Все гляжу я в поле,
Все гляжу я в вечер,
В вечность ив
и неба
В заревах озер.

Верили мы с детства,
Что весна приходит
На широких крыльях
Первых журавлей.
... Снова, как на чудо,
Я гляжу сегодня —
Вспыхивают почки
В клювах тополей.

1973г.

Как прекрасно выросли весной
Первые цветы, лучась неярко.
Женщинам отраднее подарка
Не придумать в этот день сквозной.

В этот праздник женской красоты
День ее всеобщего признанья,
Кажется, расцвечены и дзандья,
Переулки, улицы, мосты.

Все как будто заново светло!
Зимние сугробы прорубая,
Март идет! И дымка голубая
На его наброшена чело.

Славлю март! Уменье согреть,
Щедро в душах поселая надежду.
Примерять зеленую одежду,
Серебром озера покрывать.

Март, у кромки леса помолчи,
Посмотри, как он забылся в дреме.
Меж стволов заснеженных в проеме
Разбросай горячие лучи.

Будь к березам ласков как всегда,
Их стволы погладь веселым ветром.
Пролетай по дальним километрам,
Где в ручьях весенняя вода.

Приучи к мелодиям капель.
Март, тебе ни в чем я не перечу.
Но взгляни, как мчит коня навстречу
Юный всадник — розовый апрель!
1977г.

Март

В синеве густой далекий лес.
Он заманчив, он зрачки расширил.
Стали дали праздничней и шире,
И лучи посыпались с небес.

Март! Твой взгляд растопит снег любой.
Вскроет лед на реках величавых.
На твоём счету немало славы,
Ты с зимой выигрываешь бой.

Стукнут в окна сизые ветра,
Брызнет солнце на поверхность лужи.
Но воспоминание о службе
Долго холодит еще сердца.

1977г.

Падает зерно на почву вешнюю,
целое, не смолотое, падает.
Лишь одно из многих — уцелевшее
Всходит, колосится, сердце радуется.

В нем надежда наша. Наша бережность.
И, пока хлеба шумят обильные,
на душе — счастливая уверенность,
и не знают скуки руки сильные.

И, пока хлеба шумят под ветрами,
полнится земля веселым пением.
Так и слово цельное, заветное
в душах прорастает откровением!

Переводы Людмилы Щипахиной

Здравствуй, жизнь

Если встречу в пути с бедой,
упаду, не осилю беду,
если в поле взойду травой
или рыбой в море уйду —
здравствуй, жизнь!

Отчего я тобой, весна,
не могу надышаться властью?
Мне б испить твой настой до дна,
заблудиться в тебе, пропасть —
здравствуй, жизнь!

Ах, как сердца тревожен стук,
если выйду в разлив полей.
Это ты повстречалась вдруг
недопетую песней моей —
здравствуй, жизнь!

Сколько длится еще годам,
сколько ждет впереди дорог?
Никому тебя не отдам,
ни разлук твоих, ни тревог —
здравствуй, жизнь!

Коротка ли ты будешь, долга,
за рассветы в родном краю,
за березы, луга, снега
низко кланяюсь, благодарю —
здравствуй, жизнь!

1979г.

Перевод Дмитрия Матвеева

Подборку подготовила дочь поэта
Асия Маликова.

Пророк МУХАММАД (салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИСЫ

Если Бог хочет добро для (определенного) народа, вводит их в затруднительное положение, чтобы стали испытанными и опытными и (впредь) могли постоять за свои права.

Самые тяжкие мучения на том свете (уготованы) для тех ученых, у которых слово расходится с делом.

Корни, распустившиеся насилием в земле, не приносят плоды правды.

Наихудшим из людей в Судный День перед Аллахом является тот, кого люди из-за боязни его злословия покидают или же (именно из-за этой боязни) угодничают ему.

Сказали Пророку: «Проклинай неверных». Он сказал: «Не проклинать я послан, а помиловать».

Наилучшие науки те, которые приносят пользу.

Наилучший из всех домов тот, где сирота пользуется уважением.

Говори с людьми по мере их ума.

Лучшими юношами считайте тех, кто подражает старцам, а худшие ваши старики те, кто уподобляет себя молодым.

Те, которые подают руку, лучше тех, которые берут за руку.

Усовершенствование доброго дела значимее его начинания.

Самое наихудшее из запретных (дел) — это донос.

Наилучшая милостыня дается словом.

Наилучшая милостыня та, которая дается враждующему с вами родственнику.

Правдивость направляет вас к доброте, а доброта — к Раю.

Нет подарка от отца детям лучшего, чем благовоспитанность.

Мумин (верующий) подобен медоносной пчеле: кроме чистого, не съедает, и, кроме чистого, не дает.

Мумины в дружбе и сердечности подобны частицам единого тела: когда одна из них заболевает, другие (частицы) разделяют ее боль и страдания.

Воспитанность мужей лучше их золота.

Выплата долгов — знак набожности.

Делай добро для недобрых людей, чтобы воздержаться от совершения зла.

Скрывать трудности — знак благородности.

Совершение добра в отношении родителей — это доброе деяние, которое шлется заблаговременно (в Судный День).

Благо жизни (достигается) через добрые деяния.

Не вычеркивай дела добрые напоминанием о них (упреком).

Приветливость — добавок к дару.

Что упустил в начале жизни — возмещай в конце.

Долгота власти обеспечивается справедливостью.

Дар ничего велик, хотя он мал.

Вредный собеседник подобен шайтану.

Скачок лжи — на миг, а торжество правды — до Судного Дня.

Красота слова — краткость.

Стыд человеческий — занавес.

Не жди (напрасно) верности от незнатных.

Профессия — клад.

Наилучший тот из твоих друзей, кто наставляет тебя на добрые поступки.

Уважай свою мать, уважай ее, уважай ее, а потом — своего отца, а потом — других близких.

Лекарство сердец — это признание в предписании (судьбы).

Поведение человека — свидетель его происхождения.

Постоянная радости обеспечивается лицемерием с друзьями.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.

Председатель редсовета.
Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик Российской академии наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.

доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.

президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.

заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.

член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАН

Давлетшин Г. М.

доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Мир-Хайдаров Р. М.

писатель, заслуженный деятель искусств РТ, почетный гражданин Казахстана

Нигматулин Р. И.

член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, научный руководитель Института океанологии РАН

Рахим Теляшев

журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис

лауреат государственной премии РФ (2006 г.), народный поэт Татарстана

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Исполнительный директор
Лейсан Ситдикова

Заместитель главного редактора
Марат Сафаров

Художник-дизайнер компьютерной верстки
Султан Каримов

Ответственный за распространение газеты
Ахат Мухамедов

Учредитель:

Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

Адрес редакции:

115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.

Телефоны: (495) 951-16-94

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать

28. 02. 2019

Отпечатано в типографии

ООО «Фолук Групп».

Тираж 15 000 экз.

Альбина Абсалямова

Енова
дома

Старое Аллагулово. Сельская библиотека

С огромной нежностью, радостью и вечным трепетом в душе оказалась я вновь на гостеприимной земле предков. Под занавес уходящего лета мы с семьей совершили долгожданное путешествие в Татарские Юнки, Старое Аллагулово, Торбеево - места, знаковые для многих поколений нашего рода.

Но обо всем по порядку. Все началось с письма в почтовом ящике - настоящего, не электронного, теплого бумажного письма, получить которые - особое, почти забытое в нынешний информационный век удовольствие. В конверте лежало приглашение на торжество, посвященные 90-летию Торбеевского района Мордовии, того самого, откуда родом моя дорогая бабушка, Магина Измайловна Чумарина-Абсалямова. Пятнадцать лет, как ее не стало (но в моем сердце она живет всегда), но мне кажется, что я до сих пор слышу ее мишарскую речь, протяжные напевы, рассказы

о родных краях, полные ностальгии, тепла и горечи - одновременно.

Большая семья моей бабушки до революции жила в селе Татарские Юнки, ее отец имел крепкое хозяйство, был очень образованным человеком, вел торговые дела с Японией и Китаем (а бабушкин дядя, также уроженец Татарских Юнок Гиниятулла Селихмет (Ахмеди) стал основателем и первым имамом мечети в Харбине). В непростые 30-е годы минувшего века семью Чумариных раскулачили, дом отобрали, отца сослали на Дальний Восток, а юная бабушка надолго осталась совсем одна... Шепотом говорила она мне, что больше никогда не вернется на Родину...

В ее жизни были Пенза и Павлодар, Казалинск и Алма-Ата. Уже потом онашла родных в Узбекистане, где стала преподавать русский язык в узбекской школе. Именно там, по счастливому

стечению обстоятельств, в конце 30-х она и познакомилась со своим будущим мужем - земляком! - уроженцем села Старое Аллагулово Абдурахманом Абсалямовым, будущим знаменитым писателем, а на тот момент - студентом Литературного института им. Горького. В Узбекистан студент Абсалямов приехал писать репортаж о строительстве Ферганского канала - и надо же было так случиться, что именно там он встретил девушку, с которой родился почти в соседних деревнях... Потом была война, которую писатель прошел с первого до последнего дня, от разведчика и командира минометного расчета морской бригады до фронтового корреспондента, работа бабушки в тылу, а после - переезд в Казань, поближе к татарскому читателю.

Бабушка рассказывала о родных краях очень много, но сама туда больше так и не вернулась. Я же побывала там впервые десять лет назад - и в Старом Аллагулово, и в Татарских Юнках, завела там добрых друзей. Счастлива, что здесь уделяется большое внимание сохранению памяти о выдающихся уроженцах этой земли, а в 2013 году в Тат-Юнчинской школе был открыт музей татарской культуры имени Абсалямова. Вот и сейчас, получив приглашение на юбилейные торжества, мы первым делом отправились в Юнки и Аллагулово, ведь встречи с земляками дороже всех официальных

мероприятий. В Татарских Юнках директор школы Танзиля Ахметовна Агишева организовала замечательную, душевную встречу с учениками и преподавателями школы (особая благодарность им за то, что ни учителя, ни ребята не пожалели один из последних дней каникул и в полном составе пришли на встречу!), а я передала очередные, подлинные экспонаты из дедушкиного архива для экспозиции школьного музея и почитала стихи из своей книги «Разве есть на свете забвение?», посвященные родным краям и ушедшим, но таким дорогим, предкам.

Вместе с Танзильей Ахметовной мы отправились и в Старое Аллагулово, где удивительная Наиля апа Пугачева, подвижница и общественная активистка, показала нам место, где стоял дедушкин дом (увы, от него не осталось и следа), отвела в сельский клуб, где продемонстрировала богато оформленные стенды, посвященные жизни, творчеству и сохранению памяти об Абдурахмане Абсалямове и не только, поделилась интересными фактами из жизни деревни...

Особое волнение моменту встречи с родными краями предавало и то, что - случайное совпадение или божий промысел? - именно этот день был днем моего рождения. Символично было провести его именно там, в месте, откуда родом все твои предшественники. А каким удовольствием стало чаепитие с настоящими, точно такими же, как пекла бабушка, перемячами, катламой и пирогами с курагой!

Спасибо, дорогие земляки, мы обязательно вернемся!

Татарские Юнки – Старое Аллагулово – Казань

На фото в центре сидит Гиниятулла хазрат Селихметов с женой Загидой и их родственники в Харбине, 1913 год.

ВНИМАНИЕ – ПОДПИСКА-2019

Уважаемые читатели!

Продолжается подписная кампания на первое полугодие 2019 года. Оформить подписку на газету «Татарский мир» можно во всех отделениях «Почты России» по индексу П3735 в каталоге «Почта России». Также вы можете подписаться в режиме онлайн на специальном сайте Почты России podpiska.pochta.ru. Мы ценим и уважаем каждого нашего читателя. И впредь будем стараться сохранять многолетний статус газеты, стремясь к непревзятому осмыслению истории татарского народа, культуры и современных проблем. Мы продолжим публикацию материалов в рамках постоянных рубрик: «Выдающиеся просветители», «Восточная мозаика», «Мир искусства», «Парадоксы истории» и многих других. Любителей литературы будем знакомить с произведениями современных татарских писателей и поэтов. Самым маленьким нашим читателям адресована рубрика «Балам-багалмам». Наша газета всегда предоставляет возможность авторам и читателям обмениваться мнениями, публиковать свои статьи, иллюстрации и комментарии к ним. Мы благодарны вам за каждый визит в редакцию, письмо или звонок. Ваша критика и помощь позволяют делать газету интересной, насыщенной и актуальной. **Надеемся на дальнейшее сотрудничество!**

